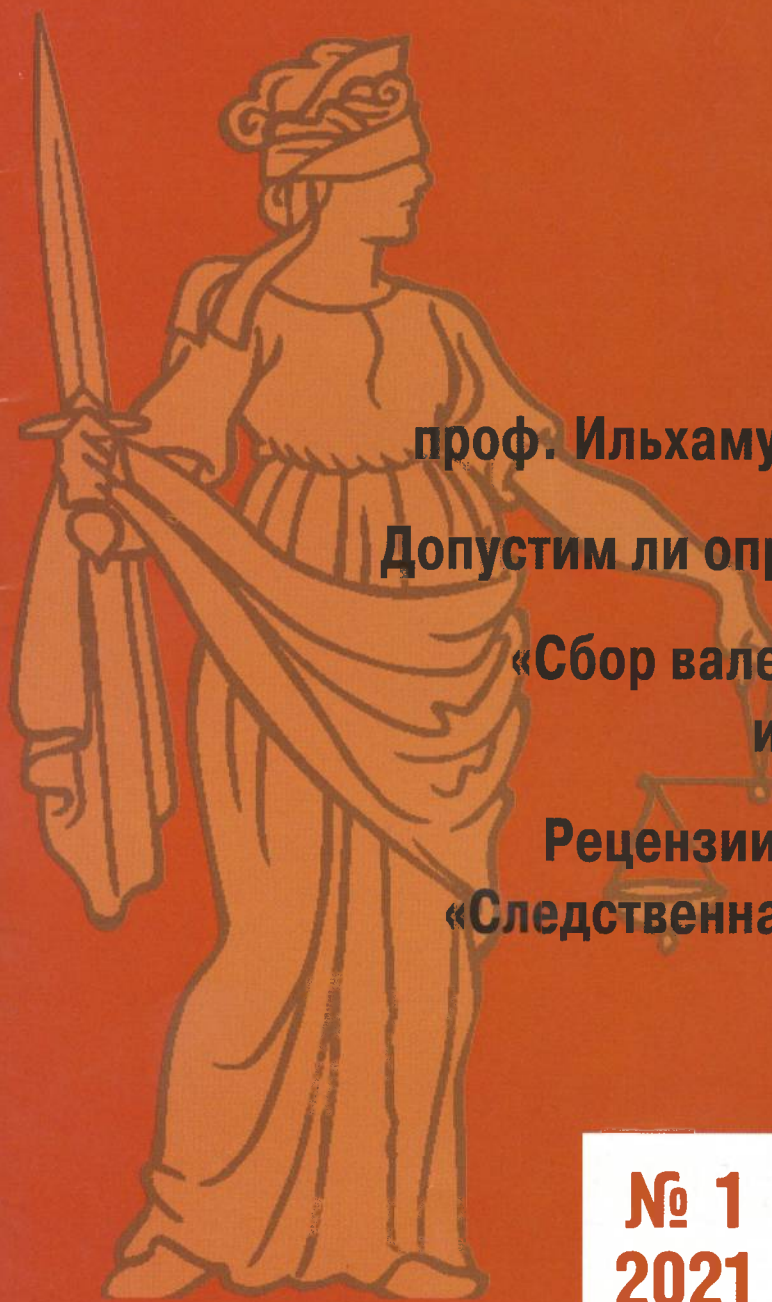

Уголовное судопроизводство

Тема номера:

Юбилей:

проф. Ильхаму Рагимову — 70!

Допустим ли опрос присяжного?

**«Сбор валежника», «рубка»
или «кража леса»**

**Рецензии на монографию
«Следственная деятельность»**

**№ 1
2021**

ISSN 2072-4411

9 772072 441777 >

юрист
издательская группа

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Профессору Ильхаму Мамедгасановичу Рагимову — 70!

14 января 2021 г. исполнилось 70 лет всемирно известному ученому-правоведу, заслуженному юристу Азербайджанской Республики, президенту Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона, доктору юридических наук, профессору И.М. Рагимову.

Профессор И.М. Рагимов — известный ученый в области уголовного права и криминологии, друг и опора молодых исследователей, защитник социально уязвимых слоев населения, щедрый меценат — так характеризуют его сегодня коллеги по научному цеху, друзья и ученики.

Редакционный совет журнала «Уголовное судопроизводство» поздравляет уважаемого Ильхама Мамедгасановича с юбилеем!

Уголовное судопроизводство

№ 1/2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ — Рег. ПИ № ФС77-29334 от 24 августа 2007 г.
Издается с 2005 г., 2 раза в полугодие

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «ЮРИСТ»

Председатель редакционного совета:

Колоколов Н.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Азаров В.А., д.ю.н., профессор,
Александров А.И., д.ю.н., профессор,
Воскобитова Л.А., д.ю.н., профессор,
Гирько С.И., д.ю.н., профессор,
Головки Л.В., д.ю.н., профессор,
Гуров А.И., д.ю.н., профессор,
Каплина О.В., д.ю.н., профессор (Украина),
Ковтун Н.Н., д.ю.н., профессор,
Лазарева В.А., д.ю.н., профессор,
Москалькова Т.Н., д.ю.н., д.ф.н., профессор,
Османов Т.С., к.ю.н.,
Поляков М.П., д.ю.н., профессор,
Попов И.А., д.ю.н., профессор,
Сальников В.П., д.ю.н., профессор,
Сурков К.В., д.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
член-корреспондент РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Тел./факс редакции: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2

Тел. (4842) 70-03-37

Формат 170x252 мм.

Печать офсетная.

Физ. печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,0.

Общий тираж 3000 экз.

ISSN 2072-4411

Цена свободная.

Подписка по России:

«Объединенный каталог

Пресса России» — 88528

Номер подписан в печать: 25.02.2021.

Номер вышел в свет: 11.03.2021.

В НОМЕРЕ:

СТРАНИЧКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Колоколов Н.А. Инструменты проверки соблюдения
тайны совещательной комнаты: прокурорская проверка
или опрос (допрос) судей с присяжными заседателями
в суде второй инстанции? 3

АПЕЛЛЯЦИЯ, КАССАЦИЯ

Смирнов А.В. Обоснованность пересмотра:
апелляция и кассация 9

ПРАКТИКА ЕСПЧ

Курченко В.Н. Лакуны уголовного судопроизводства
в контексте правовых позиций Европейского Суда 20

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Абдулин Р.С. Страсти по «Закону о сборе валежника»:
от теории к практике 26

ТЕРРОРИЗМ

Иванов Н.Г. Рассуждения о терроризме
в рамках андеграунда 32

РЕЦЕНЗИЯ

Химичева О.В., Прохорова Е.А. Рецензия на монографию
«Следственная деятельность» (Книга I. Anchetator.
Книга II. Quo vadis? Книга III. Plea Bargaining) /
под ред. д-ра юрид. наук Н.А. Колоколова. —
М.: Юрлитинформ, 2021 38

Голоскоков Л.В. Рецензия на монографию
«Следственная деятельность» в трех книгах:
книга I — Anchetator, книга II — Quo vadis?
и книга III — Plea Bargaining 45

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ).
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Criminal Judicial Proceeding

No. 1/2021

SCIENTIFIC-PRACTICAL
INFORMATION PUBLICATION

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH
THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. Reg. PI № FC77-29334 of August 24, 2007.
Published quarterly since 2005.

*Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publications
of basic results of PhD and doctor theses.*

Founder: Jurist Publishing Group

Chairman of the Editorial Board:

Kolokolov N.A., LL.D., Professor

Editorial Board:

Azarov V.A., LL.D., Professor,
Aleksandrov A.I., LL.D., Professor,
Voskobitova L.A., LL.D., Professor,
Gir'ko S.I., LL.D., Professor,
Golovko L.V., LL.D., Professor,
Gurov A.I., LL.D., Professor,
Kaplina O.V., LL.D., Professor (Ukraine),
Kovtun N.N., LL.D., Professor,
Lazareva V.A., LL.D., Professor,
Moskal'kova T.N., LL.D., Doctor of Philosophy, Professor,
Osmanov T.S., PhD (Law),
Polyakov M.P., LL.D., Professor,
Popov I.A., LL.D., Professor,
Sal'nikov V.P., LL.D., Professor,
Surkov K.V., LL.D.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Trutnevskij Yu.V.

Scientific Editing and Proof-Reading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Tel./fax: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Address publishers / editors:

Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 — multichannel

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031

Tel. (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 3,0.

Conventional printing sheet 3,0.

Circulation 3000 copies.

ISSN 2072-4411.

Free market price.

Subscription in Russia:

Unified catalogue.

Russian press — 88528

Passed for printing: 25.02.2021.

Issue was published: 11.03.2021.

CONTENTS:

PAGES OF THE CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Kolokolov N.A. Instruments of Verification
of Maintaining the Secrecy of the Jury Room:
A Prosecutor's Investigation or an Examination
(Interrogation) of Judges and Jury Members in a Second
Instance Court? 3

APPEAL, CASSATION

Smirnov A.V. Justification of Readjudication:
Appeal and Cassation..... 9

PRACTICE OF THE ECHR

Kurchenko V.N. Deficiencies of Criminal Proceedings
within the Framework of Legal Positions
of the European Court 20

JUDICIAL PRACTICE

Abduln R.S. Turmoil around the Law on Collection
of Fallen Deadwood: From the Theory to Practice..... 26

TERRORISM

Ivanov N.G. Reflections on Terrorism
within the Framework of the Underground 32

REVIEW

Khimicheva O.V., Prokhorova E.A. A Review
of the Monograph Investigative Activities
(Book I Anchetator. Book II Quo Vadis? Book III Plea
Bargaining: monograph / edited by LL.D.
N.A. Kolokolov. — Moscow : Urlitinform, 2021 38

Goloskokov L.V. A Review of the Monograph Investigative
Activities in Three Books: Book I Anchetator,
Book II Quo Vadis?, Book III Plea Bargaining..... 45

Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial office shall
be prosecuted in accordance with law.

The Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Инструменты проверки соблюдения тайны совещательной комнаты: прокурорская проверка или опрос (допрос) судей с присяжными заседателями в суде второй инстанции?

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru

Анализируется практика проверки заявлений присяжных заседателей о том, что на них было оказано давление.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд с участием присяжных заседателей, незаконное давление на членов коллегии присяжных заседателей, опрос (допрос) судей судом второй инстанции.

Instruments of Verification of Maintaining the Secrecy of the Jury Room: A Prosecutor's Investigation or an Examination (Interrogation) of Judges and Jury Members in a Second Instance Court?

Kolokolov Nikita A.
LL.D.

The article analyzes the practice of verification of claims by jury members for being put under pressure.

Keywords: criminal proceedings, jury trial, illegal pressure on jury members, examination (interrogation of judges) by a second instance court.

Что должен сделать судья, уже завершивший рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей, если вдруг в режиме постфактум от некоторых из них он узнает, что ряд членов коллегии во время судебного разбирательства незаконно общался с лицами, заинтересованными в исходе дела (потерпевшими, родственниками подсудимых), персоналом суда, судебными приставами либо от отдельных присяжных было оказано давление кем-то из членов коллегии? Прямой ответ на данный вопрос в законе нет, не выработан четкий алгоритм соответствующей проверки и правоприменительной практикой. Попробуем проанализировать варианты разрешения таких примеров.

Жалоба на старшину

Шестнадцатого ноября 2006 г. по приговору Верховного суда Республики Дагестан, постановленному с участием присяжных заседа-

телей, оправдан С. Позже присяжные Р. и Х. подали заявления, адресованные прокурору республики и председателю Верховного суда Республики Дагестан, в которых указали, что за оправдание С. они проголосовали под давлением старшины коллегии.

Данные заявления были приобщены к кассационному представлению государственного обвинителя. Результат: приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство¹.

«Несудейское» поведение судей из народа

Поводом к появлению как в процессуальном, так и во внепроцессуальном документооборотах разного рода проверок яви-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2007 г. № 20-О07-5сп // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2007 г.

лись факты, мягко говоря, «несудейского» поведения со стороны некоторых присяжных заседателей. Часть из них, желая установить свою собственную истину по делу, самостоятельно углубляется в изучение специальной литературы, ищет разъяснений у специалистов вне здания суда. Другая часть нарушителей норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — УПК РФ) оказывается не в состоянии нести в себе всю тяжесть судейского бремени, присяжные спешат распространить во вне свои острые ощущения и переживания, которые им довелось испытать в совещательной комнате.

Зная о том, что за судьями из народа такой грешок водится, рядом «совершенно случайно» оказываются адвокаты — защитники вчерашних осужденных, которые по роду деятельности, являясь хорошими психологами, не только внимательно выслушивают присяжных, но и с удовольствием «отбирают» у последних объяснения, что, по большому счету, законом не только не запрещено, но и поощряется (п. 2 ч. 1 ст. 53, п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Прокурорская проверка³

В ходе рассмотрения уголовного дела в отношении Никотина и др. Алтайским краевым судом с участием присяжных заседателей уже после вынесения ими вердикта о виновности, но еще до вынесения приговора присяжный заседатель В. обратилась с заявлением к председательствующему в процес-

се судье о том, что мать потерпевшего Ч. неоднократно общалась с присяжными в ходе судебного разбирательства, пытаясь оказать на них влияние.

Сразу же по распоряжению председательствующего была проведена соответствующая проверка, по результатам которой судья сделал вывод: нарушений, препятствующих дальнейшему движению дела, не было, поэтому 27 февраля 2013 г. в отношении Никотина и др. провозглашен обвинительный приговор.

Суд второй инстанции 8 августа 2013 г. оставил этот приговор без изменения; жалоба осужденного на отсутствие беспристрастности суда, что Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) толкуется как несправедливость, признана необоснованной.

Восьмого января 2019 г. ЕСПЧ в постановлении по делу «Никотин против России»⁴ констатировал: в отношении заявителя нарушен п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵ (далее — Конвенция). Из текста постановления следует, что имевший место подход к проверке заявления присяжной не является эффективным, так как не проливает свет на характер незаконного общения и на степень влияния, которое оно могло оказать на присяжных. В итоге решить вопрос, являлся ли суд первой инстанции беспристрастным, невозможно.

Тридцатого октября 2019 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) возобновил производство по делу ввиду новых обстоятельств, решение суда второй инстанции отменил, дело направил на новое апелляционное рассмотрение⁶.

Судебная коллегия возобновила судебное следствие, материалы по жалобам осуж-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ход прокурорской проверки по делу в отношении Никотина и итог рассмотрения ее результатов судом подробно изложен в статьях: Складенко М.В. Некоторые особенности обжалования, проверки и пересмотра приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, законность вынесения которых явилась предметом анализа Европейского Суда по правам человека // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 36–44; Складенко М.В. Прокурорская проверка в апелляции: процессуальный новый институт? Допустимость назначения прокурорской проверки по инициативе суда: ее методы и пределы // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 35–39.

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 8 января 2019 г. по делу «Никотин против России» (Жалоба № 80251/13) // URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/0c3/80251.pdf>

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 30 октября 2019 г. № 103-П19 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

денных и их защитников о незаконном воздействии на присяжных заседателей потерпевшей Ч. направила Генеральному прокурору Российской Федерации для организации проверки сведений о нарушении закона при рассмотрении уголовного дела.

В судебном заседании неоднократно объявлялся перерыв⁷, в отношении осужденного продлевались сроки содержания под стражей⁸.

Итог: в ходе прокурорской проверки отобраны объяснения от потерпевшей Ч., присяжного заседателя В., других присяжных, входивших в состав коллегии и судебных приставов. Оценив всю вновь собранную информацию, Судебная коллегия оснований для отмены приговора в отношении Никотина и др. не нашла⁹.

Согласимся с констатацией М.В. Склярченко: «Прокурорская проверка в апелляции — новый организационно-правовой и процессуальный институт, наличие которого позволяет проверить достоверность информации о вмешательстве в судебную деятельность»¹⁰.

Адвокатское расследование

Седьмого июля 2020 г. Высшим органом конституционного надзора (*фактически нашей национальной Высшей судебной инстанцией — извините, позиция автора*) было провозглашено Постановление № 33-П по делу в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева о проверке конституционности п. 1 ч. 3

ст. 56 УПК РФ (далее — Постановление № 33-П), которым законодатель предусмотрел некоторые изъятия из общих правил допроса свидетеля только с учетом того, что свидетель этот — судья, присяжный заседатель¹¹. Вывод Конституционного Суда Российской Федерации: запрета на опрос (допрос) присяжных заседателей в суде второй инстанции в законе нет!

Сначала складывалось впечатление, что данный уникальный и весьма спорный прецедент (*извините, правовая позиция*) наша юридическая общественность попросту не заметила. О нем как бы вскользь упомянул лишь доц. К.Б. Калиновский. Несколько отвлеченно автор писал об усилении значимости адвокатского опроса (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ)¹². Правда, в следующем номере журнала он повел разговор уже в несколько ином ключе и высказал свою позитивную оценку относительно возможностей суда апелляционной инстанции «отбирать» объяснения (допрашивать) судей и присяжных заседателей¹³.

Сразу оговоримся, что тема опроса и допроса (выразим надежду, что читатель разницу в терминах чувствует) судей, присяжных заседателей, добровольная подача ими всеми своих объяснений и разъяснений следователям, прокурорам, судебным инстанциям в рамках процесса уголовного, да и разным проверяющим органам по правилам прочих видов процесса (которые ныне, наверное, все следует отнести к процессу административному) не нова, ибо участники процесса уголовного жалуются на судей не только в рамках УПК РФ (апелляция, кассация, надзор), но и напрямую в Квалификационную коллегию судей, Высшую квалификационную коллегию судей, председателям судов и т.п.

⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2019 г. № 51-АПУ19-21сп // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 51-АПУ19-21сп о продлении срока содержания под стражей // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2020 г.

⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2020 г. № 51-АПУ19-21сп // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2020 г.

¹⁰ Склярченко М.В. Прокурорская проверка в апелляции: процессуальный новый институт? Допустимость назначения прокурорской проверки по инициативе суда: ее методы и пределы. С. 39.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева от 7 июля 2020 г. № 33-П // Электронный архив Конституционного Суда Российской Федерации за 2020 г.

¹² Калиновский К.Б. Конституционный Суд усилил значимость адвокатского опроса // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 7.

¹³ Калиновский К.Б. Право присяжного заседателя и судьи на дачу пояснений // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 9.

С судьями «неформально» общаются не только адвокаты, но и прокуроры

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ обратила внимание Генерального прокурора Российской Федерации на факт незаконного сбора прокуратурой Костромской области информации о судьях. Дело в том, что 1 апреля 2009 г. Костромским областным судом с участием присяжных заседателей был постановлен оправдательный приговор по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁴.

В кассационном представлении государственных обвинители просили данный приговор отменить. Свою позицию они мотивировали тем, что по делу имелись основания для отвода председательствующего в процессе. В обоснование данного довода в ВС РФ была предоставлена никем не подписанная справка-меморандум, в которой содержались данные о личности судьи, ее взаимоотношениях с другими лицами. Из сопроводительного письма к данной справке, адресованного прокурору Костромской области и подписанного первым заместителем начальника криминальной милиции, усматривалось, что она составлена по запросу одного из государственных обвинителей от 20 мая 2009 г. На допущенные нарушения Судебная коллегия частным определением обратила внимание Генерального прокурора Российской Федерации¹⁵.

Базовые причины, способствующие «несудейскому» поведению присяжных заседателей по делу Алиева

Попробуем разобраться, что в ситуации, сложившейся по делу Алиева и др., явилось не только поводом, но основанием для очередного вмешательства органа конституционного надзора в дела уголовные.

Причины эти: во-первых, группа вопросов к уголовно-процессуальной науке и, во-вторых, такая же группа вопросов вдогонку и к законодателью. Первый вопрос из этой

группы касается права присяжных заседателей знать суть дел, имеющих преюдициальное значение к делам, ими рассматриваемым. Вопрос второй — в качестве кого (осужденного, т.е. обвиняемого, свидетеля, в конкретном примере очевидца) по делу, рассматриваемому с участием присяжных, допрашивается лицо, ранее осужденное по другому делу за совершение тех же самых действий, за которые судится очередная группа лиц.

Некоторыми высказывается мысль, что суд — это игра, а для каждой игры существуют правила: в футболе по мячу бьют ногой (правда, для вратаря, голкипера, есть и исключение, мяч можно брать руками, на него можно ложиться всем телом), а в гандболе ногой по мячу бить нельзя.

Болельщики данные правила хорошо знают, к ним привыкли, а присяжным многие, искусственные по своей природе, противоречия в правилах совершенно неведомы, так как в них не во всех прослеживается логика.

Вопрос третий: а не перегружаем ли мы судей из народа вопросами, число каковых порой достигает полутора тысяч? Просто прочитать эти вопросы — уже проблема.

Вопрос четвертый — он, скорее всего, не уголовно-процессуальный, а инфраструктурный: всегда ли на техническом и организационном (административном) уровнях обеспечена тайна совещания присяжных заседателей?

Наконец, вопрос пятый, он и уголовно-процессуальный, и инфраструктурный одновременно: если есть сигналы, что тайна совещательной комнаты была нарушена, без опроса присяжных заседателей не обойтись, какова должна быть процедура проверки?

Перечисленные проблемы процессуалистам хорошо известны, Конституционный Суд Российской Федерации предложил для решения одной из них совершенно революционную инновацию (отобрать объяснения у присяжных заседателей и вызвать их в суд второй инстанции), поэтому нет ничего удивительного, что названное выше Постановление № 33-П в очередной раз обострило интерес к проблеме. Рассмотрим обстоятельства дела Алиева и др. в хронологическом порядке.

Убийство Г. и осуждение Б.

Двадцать шестого декабря 2003 г. из автомата был застрелен, в частности, потер-

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 г. № 87-О09-16сп // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2009 г.

певший Г. За совершение данного преступления судом г. Верхняя Пышма Свердловской области к тринадцати годам лишения свободы осужден непосредственный исполнитель Б.

Осуждение Алиева и Е.

Пятого апреля 2018 г. Свердловским областным судом на основании обвинительного вердикта присяжных заседателей осуждены: Алиев и Е., на основании вердикта коллегии присяжных заседателей признаны виновными: Е. — в организации убийства Г. по найму, Алиев — в подстрекательстве и пособничестве в убийстве вышеуказанного потерпевшего по найму общеопасным способом, он также признан виновным и осужден за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенную группой лиц по предварительному сговору.

Позиция стороны защиты в апелляции

«В апелляционных жалобах сторона защиты, ссылаясь на письменные объяснения, полученные ею от ряда присяжных заседателей, утверждала следующее: при вынесении вердикта не была соблюдена тайна совещания присяжных, в частности, доступ к совещательной комнате имели посторонние лица — два секретаря судебного заседания, судебный пристав и запасной присяжный заседатель, а эксперт, свидетели обвинения и потерпевший контактировали с присяжными; во время обсуждения вердикта судебный пристав заносил в совещательную комнату гильзы и пули, которые не исследовались судом, угрожал одному из присяжных выводом из состава коллегии, если тот не перестанет высказывать мнения, идущие вразрез с обвинением; секретари судебного заседания указывали, что исход уголовного дела предрешен, а виновность подсудимых уже установлена вступившим в законную силу приговором в отношении третьих лиц, и торопили присяжных с вынесением вердикта; в день вынесения вердикта в совещательной комнате находился запасной присяжный заседатель»¹⁶.

В ходе судебного разбирательства в Судебной коллегии защитниками заявлялись ходатайства о приобщении к материалам дела и оглашении объяснений, данных при-

¹⁶ Доводы защиты приведены по Постановлению № 33-П.

сжными и подтверждающих факт нарушения тайны совещательной комнаты, а также о допросе присяжных в качестве свидетелей. Однако суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайств, сославшись на то, что в силу ч. 3 ст. 56 УПК РФ присяжные не подлежат допросу в качестве свидетелей, а равно опросу защитниками об обстоятельствах уголовного дела, которые стали известны присяжным в связи с участием в производстве по нему.

Защита активизирует «секретное оружие»

Адвокат Анисимова О.Б. в суде второй инстанции: «Ходатайствую о допросе двух свидетелей — Ждановских и Кирина, которые прибыли в Свердловский областной суд, ожидают возможности дать показания, их явка обеспечена. Данные свидетели могут сообщить о нарушениях уголовного процесса, допущенных в ходе вынесения вердикта».

Председательствующий: «Кем являются данные свидетели?»

Адвокат Анисимова О.Б.: «Бывшие присяжные заседатели».

Председательствующий: «То есть на момент рассмотрения уголовного дела они являлись судьями?»

Адвокат Анисимова О.Б.: «Да!»

Председательствующий: «Вы просите допросить их в качестве свидетелей?»

Адвокат Анисимова О.Б.: «Да, их опросы я приложила к своей апелляционной жалобе».

Решение суда второй инстанции

Рассмотрев уголовное дело в отношении Алиева и Е., Судебная коллегия 7 февраля 2019 г. оставила приговор без изменения¹⁷.

Частное определение в адрес адвоката Анисимовой О.Б.

Суд не только пришел к выводу, что свидетелств незаконного воздействия на присяжных не имеется, но и счел нужным вынести в адрес адвоката Анисимовой О.Б. частное определение, в котором указал следующее:

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2019 г. № 45-АПУ19-2сп // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

«Участовавший в деле присяжный заседатель не только не может быть допрошен в качестве свидетеля, но и опрошен, в том числе адвокатом, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁸, по обстоятельствам его участия в конкретном деле. В нарушение требований законов и Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат Анисимова О.Б. 7–8 апреля 2018 г. со ссылками на п. 2 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» опросила участвовавших в деле присяжных заседателей К., Ж., Б., К. и приложила к жалобе копии взятых опросов.

Допущенные нарушения недопустимы при осуществлении адвокатской деятельности, в связи с чем Судебная коллегия полагает необходимым обратить на них внимание президента Адвокатской палаты Курганской области»¹⁹.

Научно-практические выводы

1. Ни по делу Никитина, ни по делу Алиева каких-то особых процессуальных проблем нет. Да, присяжные вышли из-под контроля председательствующего судьи. По делу Кабанова они вообще пошли искать совета на стороне, в «умных» книгах²⁰. По делу Алиева, как

это следует из процитированного Постановления № 33-П, коллегия присяжных не нашла в себе сил противостоять натиску аппарата суда, отдельные представители которого подталкивали судей из народа особо не заморачиваться, признать Алиева и др. виновными, так как по делу об убийстве Г. есть уже осужденные лица.

2. И в первом, и во втором случаях для излечения «детских болезней, свойственных присяжным», есть хорошее лекарство: приговоры отменить, направить дело на новое судебное разбирательство. Да, хлопотно, да, дорого, однако такое повторное разбирательство для многих может послужить хорошим уроком.

3. Очевидно и другое, и в данном случае Конституционный Суд Российской Федерации прав: если судьи хотят говорить, пришли в суд второй инстанции, чтобы рассказать об имевших место безобразиях, то почему бы их не выслушать.

4. Формы такого заслушивания могут быть разные. По делу «Никотин против России», по которому одна из присяжных тоже заявляла о нарушении тайны совещательной комнаты, Судебная коллегия по уголовным делам пошла на организацию прокурорской проверки²¹. Насколько ее выводы будут убедительны для ЕСПЧ, покажет время.

Р.С. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ в отношении Алиева и Е., а также частное определение в отношении адвоката отменены (Постановление Президиума ВС РФ от 17.02.2021 №124П20).

Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

²¹ Складенко М.В. Некоторые особенности обжалования, проверки и пересмотра приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, законность вынесения которых явилась предметом анализа Европейского Суда по правам человека. С. 36–44.

¹⁸ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2019 г. № 45-АПУ19-2сп // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

²⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (в порядке, предусмотренном гл. 45 УПК РФ) от 26 декабря 2019 г. № 80-019-1сп // Электронный архив

Литература

1. Складенко М.В. Некоторые особенности обжалования, проверки и пересмотра приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, законность вынесения которых явилась предметом анализа Европейского Суда по правам человека / М.В. Складенко // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 36–44.
2. Складенко М.В. Прокурорская проверка в апелляции: процессуальный новый институт? Допустимость назначения прокурорской проверки по инициативе суда: ее методы и пределы / М.В. Складенко // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 35–39.

Обоснованность пересмотра: апелляция и кассация

Смирнов Александр Витальевич,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
действительный государственный советник юстиции
Российской Федерации III класса
excelsiorm@mail.ru

Общая цель исследования — оценка соразмерности апелляционной и кассационной форм пересмотра судебных решений с позиций соблюдения принципа *res judicata*, предполагающего окончательность судебного решения. Предлагается отказаться от присутствия при кассационном пересмотре «скрытой апелляции» через использование таких правовых понятий, как «обоснованность решений», «допустимость доказательств» и «влияние нарушений закона» на исход дела.

Ключевые слова: *res judicata*, окончательное судебное решение, *non bis in idem*, апелляция, кассация, вопросы факта, вопросы права, существенные и фундаментальные нарушения закона, соразмерность ограничений, конституционный баланс интересов, эстоппель, исход дела, суд с участием присяжных, мировые судьи, следственные судьи.

Justification of Readjudication: Appeal and Cassation

Smirnov Aleksandr V.
Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
Honored Lawyer of the Russian Federation
LL.D., Professor
Class III Full State Counsellor of Justice of the Russian Federation

The general purpose of the research is to evaluate the proportionality of the appeal and cassation forms of readjudication of court rulings from the standpoint of compliance with the *res judicata* principle stipulating finality of a court ruling. It is suggested to withdraw from a “hidden appeal” during cassation readjudication through the use of such legal concepts as “justification of rulings”, “admissibility of evidence” and “impact of breaches of the law” on the case outcome.

Keywords: *res judicata*, final court ruling, *non bis in idem*, appeal, cassation, questions of fact, questions of law, material and fundamental breaches of the law, proportionality of limitations, constitutional balance of interests, estoppel, case outcome, jury trial, justices of the peace, investigating judges.

Часть I. Апелляция

Судьи иногда ошибаются. Это знает каждый футбольный болельщик. Но в этой спортивной игре их решения никогда не пересматриваются — просто судью больше не приглашают судить новые матчи. Мне возразят: одно дело спорт, другое — правосудие, здесь цена ошибки несопоставима, так как

же можно обойтись без пересмотра судебных решений? Казалось бы, что можно на это возразить? Но оказывается, что можно.

Вот, например, одно из лежащих в основании мусульманской правовой доктрины изречение пророка: «Если судья выносит решение на основе *иджитхада* и оказался прав, то ему полагается двойное вознагражде-

ние, а если он судил по иджитхаду и ошибся, то его ждет награда в однократном размере»¹. В доктрине это означает, что принятое судебное решение ни сам вынесший его кади-муджахид², ни другой судья не вправе отменить и пересмотреть на том лишь основании, что другой судья придерживается иного мнения по данному делу (принцип «каждый муджахид прав»)³.

Но, возможно, отказ от пересмотра судебных решений — удел лишь «избранных», т.е. таких правовых систем, которые, подобно шариатской, исходят из веры в сакральную основу судейского убеждения или самой судебной процедуры. Никому ведь в Средние века даже в голову не приходило апеллировать против результатов «суда Божьего», основанного на ордалиях и судебном поединке. В определенном смысле с исторической позиции последней ордалией можно считать и вердикт присяжных — и тоже потому, что *vox rōpuli vox Dēi* (лат. «глас народа — глас Божий»). Неудивительно, что приговор, вынесенный в суде присяжных, имеет особую устойчивость и не может быть пересмотрен ни по вопросам оценки доказательств, ни установления фактов, причем не только в кассационном, но и в апелляционном порядке (ст. 389.27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴, далее — УПК РФ). Впрочем, в истории известны случаи, когда апелляционный пересмотр не был востребован законодательно и для некоторых других видов приговоров. Следовательно, необходимость в пересмотре судебных решений зависит в первую очередь от достоинств суда первой инстанции — как политических, так и гносеологических. На последней характеристике хотелось бы заострить внимание.

На практике апелляционные суды стараются не рассматривать вопросы факта и для этого направляют дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Не редкость — изменения приговоров апелляционными инстанциями в части квалификации преступления или меры наказания, однако там, где требуется оценка доказательств, сами они также почти не выносят новых приговоров, во всяком случае, в пять раз чаще возвращают дела в суд первой инстанции⁵. Вероятно, это происходит потому, что апелляционные суды чувствуют себя в вопросах установления фактов не слишком уверенно, что объясняется практической невозможностью для них проводить повторные судебные следствия по всем делам и в полном объеме — просто потому, что апелляционных судов намного меньше, чем судов первой инстанции, а при оспаривании сторонами, как известно, немногим менее половины всех приговоров⁶ апелляционным судам пришлось бы работать и дено, и ночно. При выборочном же непосредственном исследовании доказательств в апелляции возникает опасная диспропорция, своего рода «кривое зеркало», искажающее их общую оценку, поскольку показания, исследованные апелляционным судом непосредственно, нередко будут выглядеть убедительнее тех, которые изучены им лишь по письменным материалам дела. При том, что апелляционная инстанция вправе выносить по делу новый приговор, это противоречие грозит превратить апелляцию в своего рода «судебного циклопа», эрзац разбирательства в суде первой инстанции.

¹ Цит.: Сюкияйнен Л. Шариатское правосудие: теоретические основы и практика // Отечественные записки. 2003. № 2 (11).

² Наиболее просвещенный судья, способный самостоятельно осуществлять иджитхад, т.е. толковать на основе рациональных принципов правовые положения и выносить решения по вопросам, не урегулированным непосредственно Кораном и сунной.

³ Сюкияйнен Л. Указ. соч.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первую половину 2020 г. в апелляционном порядке обжаловались 48 873 решения, изменено — 6275 решений (0,13%), обвинительных и оправдательных приговоров, вместе взятых, апелляционными инстанциями вынесено 338 (0,008%), а возвращено дел в суд первой инстанции на новое рассмотрение 1947 (0,4%). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>

⁶ В 2019 г. имело место 756 486 приговоров и прекращений дел судами; оспорено в апелляционном порядке 340 000 (45%). За первое полугодие 2020 г. из 336 219 дел, оконченных в первой инстанции в апелляционном порядке, обжаловано 146 760 (44%). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>

Возникает вопрос: а не лежит ли ключ к решению проблемы верификации актов правосудия на самом дне судебной системы, а именно в суде первой инстанции? И если суд присяжных исключает — пусть и преимущественно по политическим основаниям — необходимость пересмотра приговора по вопросам факта, то нельзя ли добиться того же результата, усилив чисто гносеологический (познавательный) потенциал «обыкновенного» суда первой инстанции — так, чтобы его решения заслуживали безусловного доверия? Вспомним о том, что одним из основных хрестоматийных качеств судебного разбирательства в первой инстанции считался и считается его окончательный характер. С окончательностью судебного разбирательства в суде первой инстанции и принципом *non bis in idem* («не судить дважды за одно и то же») явно связан по смыслу и общепризнанный правовой принцип *res judicata* (окончателность судебного решения, или недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела с точки зрения установленных им фактов). Вместе с тем правовая теория, признавая окончательность судебного решения лишь после исчерпания возможностей по его проверке и пересмотру по существу (как правило, в апелляционной форме), так и не смогла до сих пор разрешить логическое противоречие: если судебное разбирательство в первой инстанции, завершившееся приговором, окончательно, то почему сам приговор до его пересмотра в апелляции (либо истечения срока на обжалование) окончательно не считается?

Действительно, разбирательство в суде первой инстанции призвано служить апогеем уголовного процесса. В нем законом предусмотрены принципы и гарантии, которые должны были бы обеспечивать принятие законного, обоснованного и справедливого судебного решения. В итоге чего оно мыслится авторитетным, незыблемым и стабильным. Окончание судопроизводства уже в суде первой инстанции можно было бы считать идеальным правосудием, так как в этом случае наиболее полно достигались бы такие социально высокозначимые цели, как устойчивость правопорядка, быстрота и экономичность судебного процесса.

Однако достаточно ли на самом деле названных «бумажных» гарантий, чтобы ска-

зать: такой суд действительно идеален, его приговор бесспорен, и ничего добавлять больше не надо? И практика, и законодательство, предусматривающее «страховочные варианты» в виде целой иерархии вышестоящих проверяющих инстанций, где суд первой инстанции еле различим на самом дне их гигантской пирамиды, говорят: нет, без пересмотра судебных решений пока что не обойтись. Если еще можно как-то согласиться с тем, что судьи кассационных инстанций — это более опытные и искушенные юристы, которые способны претендовать на первенство в выявлении и исправлении ошибок нижестоящих судов при применении последними норм права, то в отношении оценки доказательств, где главенствующую роль играет просто здравый смысл, апелляционные судьи вряд ли могут похвастаться, что в чем-то способны дать фору своим коллегам из первой инстанции.

Что дешевле для общества — содержать громоздкий и медлительный бюрократический механизм пересмотра судебных решений или усовершенствовать суд первой инстанции так, чтобы нужда в пересмотре (по крайней мере, апелляционном) либо исчезла вовсе, либо хотя бы существенно уменьшилась? Но есть ли средства для такого радикального усовершенствования? Сила привычки и традиции заслоняют от нас достаточно тривиальную истину — такие средства всегда были, есть они и сейчас.

Первое из них — это расширение сферы применения суда с участием присяжных заседателей. Правда, сейчас он может действовать лишь по довольно ограниченному кругу дел. Представляется, что настала пора максимально расширить компетенцию суда с участием присяжных заседателей, распространив ее (по ходатайству обвиняемого) на все дела о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях, полностью исключив по ним необходимость апелляционного пересмотра приговоров таких судов по мотиву неправильной оценки доказательств и неверного установления фактов.

Между тем не секрет, что одной из основных проблем, которая на практике существенно затрудняет в организационном плане широкое применение в России суда присяжных, является крайне низкая явка кандидатов, проистекающая из нежелания

многих несознательных граждан принимать участие в отправлении правосудия. Сейчас для обеспечения явки в суд 30–40 кандидатов в присяжные заседатели работники аппарата суда направляют от 500 до 1500 приглашений, а явка, по некоторым данным, составляет в среднем лишь два-три процента⁷. К тому же довольно часто в составе коллегии присяжных заседателей оказываются персоны, участие которых в отправлении правосудия запрещено законом, что в дальнейшем влечет отмену приговора. Предварительная же проверка сведений о лицах, включаемых в списки кандидатов, как показывает практика, слишком длительна, трудоемка и малоэффективна⁸.

Представляется, что выходом из этого положения мог бы стать *волонтерский* принцип формирования запасного списка кандидатов в присяжные заседатели, предусмотренного ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ»⁹. После формирования волонтерского списка выборка из него в рабочий список все равно будет сохранять случайный характер, и, кроме того, закон предусматривает достаточные гарантии против пристрастности кандидатов. Надо заметить, что существующая практика, когда в суд являются лишь несколько процентов из огромного количества вызванных кандидатов, и так практически не отличается от волонтерского принципа формирования коллегии присяжных. Так не лучше ли ее узаконить, сделав менее затратной и более технологичной? К тому же кто сказал, что равнодушные чуть ли не насильно загоняемых на скамью присяжных обывателей лучше активной гражданской позиции сознательных добровольцев?

Вообще, думается, что использование жюри как гарантии принципа *res judicata* может распространяться много дальше,

чем это кажется на первый взгляд. В сущности, квинтэссенцией любого жюри (не только в суде присяжных) является консенсус сторон при формировании состава суда, благодаря чему он приобретает некоторые свойства арбитражного (в широком смысле слова) или третейского суда. При этом проигравшей стороне, для которой претензии о предвзятости избранных ею для самой себя судей лишаются всякой убедительности, остается жаловаться лишь на свой жребий. В этой связи представляется перспективным направлением дальнейшее совершенствование судопроизводства у мировых судей, в частности, путем предоставления обвиняемому и потерпевшему (частному обвинителю) права прибегнуть к такой факультативной форме судопроизводства, когда они сами выбирают из списка по данному району мирового судью, которому они (по взаимному согласию или — по некоторой аналогии с существующей технологией отбора присяжных — по жребию) доверяют рассматривать дело. В этом случае мировой судья может считаться своего рода «присяжным» или жюри в миниатюре, а его решение — не подлежащим обжалованию по мотивам неверной оценки представленных сторонами доказательств (о чем сторонам, конечно, должно быть заранее разъяснено при выборе данной формы судопроизводства).

Следующим важным резервом, способствующим строгому соблюдению принципа окончательности приговоров судов первой инстанции, может служить, по нашему мнению, расширение сферы действия суда первой инстанции путем распространения его компетенции на всю стадию предварительного расследования (вероятно, за исключением дел о преступлениях небольшой тяжести), т.е. превращение ее в *предварительное судебное следствие*. Речь идет о введении института «суда над следствием», или института следственных судей, которые, по сути, тоже ведь являются судьями первой инстанции¹⁰.

⁷ Васюткин Д.Ю. Проблема обеспечения явки кандидатов в присяжные заседатели в суд // Новый юридический вестник. 2019. № 1. С. 42–44.

⁸ Тисен О.Н. Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 41.

⁹ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 216–218; Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html; Смирнов А.В. Кон-

Следственный судья сам непосредственно следствие не ведет, он «поставлен над следствием». В его власти — только создать обеим сторонам равные условия для легализации в качестве судебных тех или иных представляемых ими доказательств в порядке состязательных судебных следственных действий. При этом ходатайства сторон о проведении таких действий, включая альтернативную судебную экспертизу, для следственного судьи будут, как правило, обязательными для исполнения — т.е. заработает принцип состязательности. Процессуальное значение судебных следственных действий состоит в том, что это единственная форма заблаговременной легализации — уже в ходе предварительного расследования — фактических данных в качестве судебных доказательств, которые затем могут быть использованы в судебном разбирательстве наряду с полученными прямо там. Кроме того, следственный судья определяет в конце расследования наличие законных оснований (совокупности достаточных доказательств) для передачи уголовного дела в суд для рассмотрения по существу, не имея потом уже никакого отношения к дальнейшему рассмотрению данного дела.

Переход к предварительному судебному следствию объективно должен способствовать значительному сокращению количества апелляционных жалоб и представлений, ведь само разбирательство дела по существу в суде первой инстанции можно рассматривать как апелляционную процедуру *sui generis* по отношению к предварительному судебному следствию, проведенному под эгидой следственного судьи.

Все сказанное выше означает лишь то, что апелляционный пересмотр, будучи «кривым зеркалом» судебной гносеологии и весьма ограниченным и спорным способом снятия социального напряжения, порождаемого недовольством проигравших в первой инстанции сторон, вовсе не является настолько «священной коровой» судопроиз-

водства, чтобы нельзя было бы обойтись без него в принципе. Однако, учитывая давнюю историческую традицию и интересы поддержания стабильности судебной системы, мы, конечно, не предлагаем немедленно отказаться от апелляции, хотя сфера ее применения и может быть существенно сокращена, в том числе и за счет предложенных выше мер. Во всяком случае, паллиативное решение видится в том, чтобы апелляционная процедура в случае отмены судебного решения могла завершаться не вторым итоговым решением (приговором или прекращением дела), а только возвращением дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

Часть II. Кассация

«Положительное решение суда хорошо всегда — даже если несправедливо» (Уинстон Черчилль). Неизменность вступивших в законную силу судебных решений есть основа доверия граждан к закону и государству, а значит, и условие правопорядка. Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) постоянно подчеркивает, что власти должны уважать обязательную природу окончательного судебного решения (*res judicata*), допуская возобновление уголовного судопроизводства только в случаях, когда правовые основания перевешивают принцип правовой определенности¹¹. Однако в настоящее время, с точки зрения соблюдения принципа *res judicata*, в стадии кассационного (надзорного) пересмотра в российском уголовном судопроизводстве имеются значительные проблемы. Так, подача кассационной жалобы (представления) сейчас не ограничена никакими процессуальными сроками (кроме годичного срока, ограничивающего обжалование в целях ухудшения положения осужденного или оправданного); при этом невозможно установить, когда производство по делу завершается окончательно и бесповоротно; основания изменения и отмены судебных решений в кассационном порядке сформулированы так, что их трудно отграничить от оснований апелляционных (ст. 389.17, 389.18, 401.15 УПК РФ); дискре-

цепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» // СПЧ. URL: <http://president-sovet.ru/files/70/e2/70e2f1754d8a68c8007f1576cf4e69a6.pdf>; Смирнов А.В. Институт следственных судей — конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14.

¹¹ Решение ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. по вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasy Semenovich Bratyakin) против РФ» // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 76 и др.

ционные полномочия Председателя Верховного Суда Российской Федерации по отмене постановления судьи об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для такого рассмотрения (ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ) не ограничены ни сроком, ни основаниями; кассационных инстанций несколько, и одни и те же основания в разных кассационных инстанциях могут использоваться неоднократно (ст. 401.17 УПК РФ), и др.¹²

Особую сложность представляет понимание кассационных (а также равнозначных им надзорных) оснований для отмены или изменения судебных решений. В УПК РФ названы три группы таких оснований:

— *существенные* нарушения уголовно- и уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ);

— нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, повлиявшие на исход дела и влекущие ухудшение положения осужденного (ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ);

— несоблюдение лицом условий и невыполнение им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ).

Вторая группа названных оснований в практике некоторых высших судов получила название *фундаментальных* нарушений. Так, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод¹³ (далее — Конвенция), а именно п. 2 ст. 4 Протокола № 7 (в редакции Протокола № 11), установлено, что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах либо если

в ходе предыдущего разбирательства было допущено *существенное нарушение* (т.е. имеющее *фундаментальный*, принципиальный характер — a fundamental defect в английском тексте, un vice fondamental во французском тексте), повлиявшее на исход дела¹⁴.

В отличие от ЕСПЧ Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) в своих постановлениях от 17 июля 2002 г. № 13-П и от 11 мая 2005 г. № 5-П проводит определенное разграничение между понятиями существенных и фундаментальных нарушений, которые соотносятся у него как общее и особенное. Согласно его позиции, пересмотр вступившего в законную силу судебного решения возможен лишь при обнаружении допущенных на предыдущих стадиях процесса *существенных нарушений*, которые имеют *фундаментальный*, принципиальный характер и *повлияли на исход дела*.

При этом ни УПК РФ, ни Конвенция не раскрывают понятий *существенных* и *фундаментальных* нарушений закона,¹⁵ в связи с чем возникает ряд вопросов, как то:

1. Равнозначны ли понятия *существенных* и *фундаментальных* нарушений, или последние выступают как своего рода ква-

¹⁴ Заметим, что ЕСПЧ не проводит различия между понятиями *существенных* и *фундаментальных* нарушений.

¹⁵ Исследованию понятия «существенные нарушения уголовно-процессуального закона» непосредственно был посвящен ряд исследований (См.: Бородинова Т.Г. Современные формы пересмотра приговоров в уголовном судопроизводстве России. Краснодар, 2016. С. 57, 72). Однако почти нигде различие между фундаментальными нарушениями и существенными содержательно не анализируется. Исключение составляет позиция И.С. Дикарева, который таким критерием считает нарушение принципа справедливости, который он, впрочем, сводит к справедливости судебного разбирательства в смысле ст. 6 Конвенции и, прежде всего, равенству сторон (Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Волгоград, 2016. С. 248–257). Представляется, однако, что названная справедливость есть синоним законности судебного разбирательства, следовательно, ее нарушение должно служить основанием для отмены или изменения судебного решения уже в апелляционной стадии, а потому этот критерий для определения фундаментальных нарушений явно неудачен.

¹² См.: Рукавишникова А.А. Вариативность понимания окончательного судебного решения в решениях ЕСПЧ // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 55–56.

¹³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

лифицированная разновидность нарушений существенных?

2. Каковы отличительные признаки существенных и (или) фундаментальных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона?

3. Что такое «исход дела» и как именно нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона должны на него повлиять?

Понятие существенных нарушений уголовно-процессуального закона сформулировано лишь в ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ применительно к апелляционной форме пересмотра. Это такие нарушения, которые путем лишения или ограничения гарантированных данным Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем *повлияли или могли повлиять* на вынесение законного и обоснованного судебного решения. Однако данное определение не вполне пригодно для кассации, поскольку, согласно ч. 1 ст. 401.12 УПК РФ, основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, которые не просто могли, а именно детерминистически *повлияли* на исход дела, т.е. критерий «могли повлиять» к кассационной форме неприменим.

Можно, вослед за КС РФ, предположить, что понятие существенных нарушений шире, чем фундаментальных: всякое фундаментальное нарушение — существенное, но не всякое существенное является фундаментальным. Критерием существенных нарушений по смыслу ст. 401.15 УПК РФ служит то, что они реально способны воздействовать на исход дела, т.е. причиняют делу реальный вред. Фундаментальные же существенные нарушения причинением любого вреда не ограничиваются — они искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, т.е. это нарушения, которые имеют особо тяжкие последствия для осуществления правосудия, так сказать, «существенные в квадрате». Однако констатация различия нарушений по их тяжести еще не проливает свет на критерии, которые позволили бы практически их различать.

В известной мере ответ на вопрос о природе фундаментальных нарушений закона

можно найти в правовых позициях КС РФ. В Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П он указал: «Поворот к худшему в порядке надзора допускается лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки *искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей*, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших». В этом смысле фундаментальные нарушения отличаются от существенных нарушений закона, превосходя их по своей негативной значимости. Тем не менее в этом фрагменте присутствуют сразу три понятия: *суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия и необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей*, содержание и соотношение которых требуют истолкования.

Как можно понять из данного определения, сущность первых двух — юридически не слишком операциональных — признаков («искажение сути правосудия и смысла приговора как акта правосудия») может быть выявлена лишь через их функциональную роль (последствия), а именно через *разрушение баланса конституционно защищаемых ценностей*, которое, собственно, и рассматривается как конечный критерий «искажения сути правосудия и смысла приговора». Понятие же баланса конституционных ценностей часто встречается в решениях КС РФ, будучи достаточно разработанным. В целом можно сказать, что баланс ценностей рассматривается как их динамическое равновесие.

При этом баланс частных и публичных интересов в наиболее общей форме регулируется в Конституции Российской Федерации¹⁶ (далее — Конституция РФ) следующими положениями:

— человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного пра-

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

ва и Конституции РФ — обязанность государства (ст. 2, ч. 1 ст. 17);

— права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18);

— осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать [смежные] права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17), что транслирует в правовую сферу известное философское положение о том, что пределы свободы каждого заканчиваются там, где начинаются такие же свободы другого лица;

— права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Таким образом, конституционный баланс ценностей и интересов выражается: во-первых, в первенстве прав и свобод человека, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ по отношению к интересам государства; во-вторых, в ограничении пределов осуществления индивидуальных прав и свобод обеспечением возможности беспрепятственного осуществления своих прав и свобод другими равнозначными индивидами.

Если перейти с языка конституционного права на язык уголовного процесса, то ту же мысль можно выразить следующим образом: при оценке последствий конкретного нарушения следует руководствоваться *правилом асимметрии*, вытекающим из принципа *favor defensionis* (лат. — благоприятствование стороне защиты), а в конечном счете — из баланса конституционно-правовых ценностей, отдающего приоритет интересам личности над интересами государства¹⁷. Для сравнения: ЕСПЧ также полагает, что «ошибки или недостатки работы органов государственной власти должны работать в пользу подсудимого. Другими

словами, риск совершения ошибки прокуратурой или судом должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счет заинтересованного лица»¹⁸.

Таким образом, из названных конституционных положений следует, что, например, неподписание судьей оправдательного приговора — будучи, безусловно, существенным нарушением уголовно-процессуального закона, вполне достаточным для отмены любого решения в апелляционном порядке, либо даже в кассационном, но в пользу осужденного — не может признаваться нарушением фундаментальным, допускающим ухудшение положения осужденного или оправданного в кассационном порядке, поскольку оно хотя и лишает такой приговор значения акта правосудия, однако не выходит за рамки конституционного баланса ценностей, при котором интерес личности превалирует над интересами государства. Точно так же назначение виновному явно слишком мягкого наказания, хотя и остающегося в пределах санкции уголовного закона, будучи существенным нарушением и бесспорным апелляционным основанием для изменения приговора (ввиду нарушения публичного интереса справедливости воздаяния), не может считаться фундаментальным и достаточным в кассации (надзоре) для ухудшения положения осужденного.

Можно, конечно, возразить, указав, что такого рода нарушениями закона могут нарушаться «права других лиц», в частности, потерпевшего, ввиду чего они также могут подпадать под перечень исключений, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, позволяющих ограничивать конституционные права личности, в том числе ее право на стабильность окончательного судебного решения — *res judicata*, которое содержательно координируется с конституционным принципом *non bis in idem* и состязательностью судопроизводства (ч. 1 ст. 50, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). Однако следует заметить, что нарушения нарушениям рознь, и право потерпевшего на защиту его интересов максимально точным приговором во многих случаях может встретить не менее сильного оппонента в форме принципа *res judicata*.

¹⁷ Смирнов А.В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 5.

¹⁸ Пункт 50 Постановления ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. по делу «Радчиков против РФ» // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 10.

Последний принимает в этой ситуации особый вид запрета другой стороне (обвинения) ссылаться на собственную правовую ошибку или, по крайней мере, недоработку в минувшем судебном разбирательстве (например, ошибочную квалификацию преступления в предъявленном обвинении, а затем и приговоре; оставление без выяснения обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела (ч. 8 ст. 328 УПК РФ); неразъяснение прав потерпевшему на предварительном расследовании и т.д.), т.е., по сути, имеет место эстоппель. При наличии такой встречной процессуальной вины проигравшей стороны, которая работает против нее на чашах весов при определении общего баланса интересов¹⁹, неколебимость вступившего в силу приговора (несмотря на допущенные ошибки) в пользу интересов обвиняемого не может квалифицироваться как нарушение «горизонтального» конституционного баланса интересов.

Помимо того, если строго следовать букве и духу Конституции РФ, то, вероятно, следует признавать фундаментальным нарушение, выразившееся в *неправильной квалификации* предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации²⁰ (далее — УК РФ) преступлений с определенными особо значимыми объектами посягательства, корреспондирующими тем, что перечислены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно: основами конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ), нравственности (в частности, преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ)); жизнью и здоровьем (гл. 16 УК РФ); здоровьем населения и общественной нравственностью (гл. 25 УК РФ); собственностью (гл. 21 УК РФ); общественной безопасностью (гл. 24 УК РФ). Здесь общепризнанное

право личности на стабильность вступившего в законную силу судебного решения (*res judicata*) отступает перед публичным интересом, конституционно защищаемым в силу его особой значимости, и поворот обвинения к худшему должен быть возможен, несмотря на вступление решения в силу. Значит, по всем другим видам преступлений с иными родовыми объектами принцип *res judicata* может (при прочих равных условиях) блокировать поворот обвинения к худшему ввиду ошибок квалификации для вступивших в законную силу решений.

Следующий из поставленных нами выше вопросов — что следует считать процессуальными нарушениями, *влияющими на исход дела*? Ведь в широком смысле таковыми можно объявить и нормативное требование *обоснованности* судебного решения (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), в том числе фактами и доказательствами. Более того, процессуальным, т.е. чисто правовым нарушением является и использование в судебном решении недопустимых доказательств. Однако их исключение из общей доказательственной совокупности может повлечь за собой переоценку вывода о виновности и т.д. Автоматически все это переводит проблему в плоскость *доказанности* обвинения, т.е. в область вопросов факта²¹. Но в таком случае исчезает водораздел между кассацией (надзором) и апелляцией, а значит, ставится под сомнение окончательный характер судебного решения и сам принцип *res judicata*.

¹⁹ Представляется, что введение понятия эстоппеля при взвешивании и квалификации судебной ошибки в кассации может внести существенные коррективы в так называемый принцип ассиметрии оценки доказательств лишь в пользу стороны защиты, ограничивая его применение с позиций требований справедливости.

²⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Ряд авторов, однако, придерживается иного мнения, согласно которому кассационная инстанция вообще не должна касаться вопросов факта (Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство: в контексте *de lege lata* и *de lege ferenda* // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: мат. 2-й междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. М., 2013. С. 255 ; Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Карикова Е.А. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в практике судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. М., 2014. С. 66 ; Османов Т.С. Пересмотр судебных решений, вступивших в законную силу в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: мат. 2-й междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. М., 2013. С. 269).

Нередко судебная практика часто идет именно по этому пути, и в кассационных актах анализируются доказательства с выводами об обоснованности (или необоснованности) итогового решения. Так, в постановлениях судей об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции стандартными являются такие, например, формулировки: «Дело расследовано и рассмотрено всесторонне, полно и объективно. Всем доказательствам суд дал надлежащую правовую оценку. Выводы суда о виновности осужденного в совершении указанных преступлений основаны на достаточной совокупности исследованных доказательств, проверенных и оцененных в судебном заседании с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности в соответствии со ст. 88 УПК РФ, подробно и полно приведенных в приговоре суда и апелляционном определении...»²².

Следует, однако, заметить, что по прямому указанию закона (ст. 401.1 УПК РФ) суд кассационной инстанции — по-видимому, реализуя намерение законодателя учредить так называемую чистую кассацию — должен проверять лишь законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу. Общепринято, что кассационная форма пересмотра решений имеет своим предметом вопросы права, а не факта, т.е. не должна иметь дело с оценкой доказанности обстоятельств дела. Иначе говоря, судебное решение после вступления его в законную силу не может быть пересмотрено в кассационной или надзорной инстанции с точки зрения фактической стороны дела лишь в целях получения нового, устраивающего кассатора судебного постановления.

И, наконец, третий из обозначенных нами вопросов — что следует понимать под

влиянием нарушений на «исход дела»? Под таким влиянием как одним из критериев основания пересмотра судебных решений против интересов осужденного или оправданного следует, как представляется, понимать такие нарушения, которые явились доказанной причиной постановления незаконного приговора или иного судебного решения, включая в это понятие законность всего хода производства по делу, а не только те нарушения, которые привели к неверному решению собственно вопроса о виновности или назначению незаконного или несправедливого наказания. То есть исход дела — это не только то, что решил суд по материально-правовому вопросу об уголовной ответственности обвиняемого, но и как он это сделал. В противном случае грубое и явное нарушение в ходе производства по делу требований Конвенции, других общепризнанных норм международного права, положений Конституции РФ, основополагающих принципов уголовного процесса, если оно не повлияло на правильность решения вопроса об уголовной ответственности по существу (осужден, судя по всему, действительно виновный, квалификация преступления правильная, мера наказания законная и справедливая), не могло бы влечь за собой пересмотр решения в кассационном порядке. Так, например, отсутствие при производстве по делу защитника в случаях, когда его участие по закону было обязательно, неподписание судьей по оплошности приговора, незаконный состав суда и прочие «сугубо процедурные» нарушения, если они не повлияли на существо решения, не могли бы считаться основанием для отмены приговора, что явно абсурдно.

Как бы там ни было, влияние нарушения на исход дела по прямому смыслу закона (ст. 401.6, 401.15 УПК РФ) должно быть полностью доказанной причиной незаконности или необоснованности решения, т.е. вероятные выводы, как то: «эти нарушения могли повлиять», в кассации и надзоре неправомерны. Однако в судебной практике очень часто это различие также не находит понимания или попросту игнорируется. Как результат, в кассационных решениях нередко такие формулировки: «Каких-либо нарушений уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или огра-

²² Постановление Смоленского областного суда № 4У-279/2019 от 26 апреля 2019 г. по делу № 4У-279/2019; Постановление Верховного Суда Республики Крым № 4У-101/2018 от 22 февраля 2018 г. по делу № 1-68/2017; Постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации № 8-УКС19-144 об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 27 августа 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/>

ничения гарантированных прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на законность и обоснованность приговора, не установлено»²³.

В целях соблюдения чистоты названных принципов необходимо отказаться от присутствия при кассационном пересмотре

«скрытой апелляции», т.е. просачивания в кассационное производство тематики доказанности виновности и других фактических обстоятельств через использование таких правовых понятий, как «обоснованность решений», «допустимость доказательств» и «влияние нарушений закона на исход дела». Под «исходом дела» следует понимать не доказанность или недоказанность виновности лица в преступлении, а грубое попрание фундаментальных принципов справедливого судопроизводства, как их понимают ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конституция РФ (ч. 1 ст. 120, ч. 3 ст. 123 и др.).

²³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2012 г. по делу № 2-11/12; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2012 г. по делу № 72/2012 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/>

Литература

1. Бородинова Т.Г. Современные формы пересмотра приговоров в уголовном судопроизводстве России : монография / Т.Г. Бородинова. Краснодар : ХОРС, 2016. 151 с.
2. Васюткин Д.Ю. Проблема обеспечения явки кандидатов в присяжные заседатели в суд / Д.Ю. Васюткин // Новый юридический вестник. 2019. № 1. С. 42–44.
3. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе : монография / И.С. Дикарев. Волгоград : Издательство ВолГУ, 2016. 400 с.
4. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство: в контексте *de lege lata* и *de lege ferenda* / Н.Н. Ковтун // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й международной научно-практической конференции : в 2 частях. Ч. 2. Москва : РАП, 2013. С. 252–256.
5. Османов Т.С. Пересмотр судебных решений, вступивших в законную силу в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ / Т.С. Османов // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й международной научно-практической конференции : в 2 частях. Ч. 2. Москва : РАП, 2013. С. 268–275.
6. Рукавишникова А.А. Вариативность понимания окончательного судебного решения в решениях ЕСПЧ / А.А. Рукавишникова // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 55–56.
7. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе / А.В. Смирнов // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html
8. Смирнов А.В. Институт следственных судей — конституционное требование? / А.В. Смирнов // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14.
9. Смирнов А.В. Концепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» / А.В. Смирнов // СПЧ. URL: <http://president-sovet.ru/files/70/e2/70e2f1754d8a68c8007f1576cf4e69a6.pdf>
10. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 224 с.
11. Смирнов А.В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда РФ / А.В. Смирнов // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 4–6.
12. Сюкияйнен Л. Шариатское правосудие: теоретические основы и практика / Л. Сюкияйнен // Отечественные записки. 2003. № 2 (11). С. 328–336.
13. Тисен О.Н. Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы : диссертация кандидата юридических наук / О.Н. Тисен. Оренбург, 2009. 201 с.
14. Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Карикова Е.А. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в практике судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций : монография / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов, Е.А. Карикова ; под общей редакцией Ю.Н. Туганова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 165 с.

Лакуны уголовного судопроизводства в контексте правовых позиций Европейского Суда

Курченко Вячеслав Николаевич,
профессор Уральского государственного
юридического университета (УрГЮУ),
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
председатель судебной коллегии по уголовным делам
Свердловского областного суда (в отставке)
kvnekbobsud@mail.ru

В статье исследуются проблемы, связанные с применением норм уголовно-процессуального законодательства в контексте права на справедливое судебное разбирательство с учетом стандартов и судебной практики Европейского Суда, рассматривается влияние позиции сторон на определение судом предмета судебного разбирательства.

Ключевые слова: протокол задержания, заключение специалиста, алгоритм расследования применения пыток.

Deficiencies of Criminal Proceedings within the Framework of Legal Positions of the European Court

Kurchenko Vyacheslav N.
Professor of the Ural State Law University (USLU)
Honored Lawyer of the Russian Federation, LL.D.
Chairman of the Judicial Chamber on Criminal Cases
of the Sverdlovsk Regional Court (Retired)

The article studies the problems related to the application of provisions of criminal procedure laws within the framework of the right to a fair trial taking into account the standards and the judicial practice of the European Court, the influence of the position of the parties on the court determination of the subject of judicial proceedings.

Keywords: detention report, expert's opinion, use of torture investigation algorithm.

Одной из задач уголовного судопроизводства выступает защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения. Как известно, судебная практика не является источником права, однако ценность судебной практики и в первую очередь суда высшей инстанции, а также Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) заключается в том, чтобы разрешение конкретных уголовных дел выступало ориентиром для применения уголовно-процессуальных норм нижестоящими судами, обеспечивая единообразие судебной практики.

Стадия подготовки к судебному заседанию — это своеобразный фильтр между

досудебным и судебным производством. Его основное предназначение — выяснить, соблюдены ли органами дознания и предварительного следствия требования уголовно-процессуального закона, регулирующего досудебное производство, нет ли обстоятельств, препятствующих либо исключающих его рассмотрение судом, не имеется ли подлежащих разрешению ходатайств и жалоб сторон, оснований для проведения предварительного слушания.

Этому посвящено Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-

процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»¹.

Согласно части 1 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — УПК РФ), протокол задержания должен быть составлен в течение трех часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Документ должен содержать отметку о том, что задержанному лицу разъяснены его права, в том числе право на адвоката. В протоколе задержания должны быть указаны дата и время его составления, дата, время, место и основания задержания подозреваемого, а также иная значимая информация. Протокол задержания должен быть подписан лицом, его составившим, и подозреваемым.

ЕСПЧ неоднократно указывал, что само по себе отсутствие протокола задержания должно считаться серьезным нарушением, поскольку незарегистрированное содержание под стражей лица представляет собой одно из самых существенных нарушений ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³ (далее — Конвенция).

По делу «Фортальнов и др. против Российской Федерации»⁴ ЕСПЧ объединил в одном производстве 13 жалоб с учетом их схожего фактического и правового основания. Было установлено, что сотрудники органов внутренних дел задержали трех заявителей в одно время, однако протоколы задержания были составлены в период от 7 до 83 часов после этого. Хотя протоколы задержания в итоге и были составлены, указанное в

них время задержания не соответствовало фактическому времени задержания заявителей. ЕСПЧ не признал убедительным довод стороны обвинения о том, что задержание трех заявителей было зафиксировано в некоторых других документах. Любой факт лишения свободы должен быть зарегистрирован надлежащим образом и достаточно подробно.

Статус лица должен оформляться сразу же после заключения его под стражу органами власти, и такому лицу незамедлительно должны быть четко разъяснены все его права. Что касается остальных десяти заявителей, то при отсутствии протоколов задержания ничто не указывало на то, что они могли эффективно использовать какие-либо процессуальные гарантии, предусмотренные в законодательстве Российской Федерации (далее — законодательство РФ).

Как минимум восемь заявителей содержались под стражей без судебного постановления свыше 48 часов, что противоречит законодательству РФ. Два заявителя были подвергнуты административному задержанию, чтобы обеспечить их последующее задержание в качестве подозреваемых в совершении преступления. Данным заявителям не были предоставлены необходимые гарантии их процессуальных прав в качестве подозреваемых⁵.

ЕСПЧ отметил, что законодательство РФ не предусматривает ответственности органов государственной власти за заключение под стражу, которое не было зарегистрировано или признано в какой-либо процессуальной форме.

Судье следует обращать внимание на действительность, достоверность и относимость представленных доказательств, особенно если кроме протокола опознания нет иных убедительных доказательств виновности субъекта в преступлении. При проведении опознания опознающее лицо до проведения указанного следственного действия иногда не допрашивается следователем о приметах, по которым оно запомнило лицо, совершившее преступление. Опознание личности не может подменяться опознанием по фотографии при отсутствии в материалах уголовного дела каких-либо сведений о

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Фортальнов и другие против Российской Федерации» от 26 июня 2018 г. (жалоба № 7077/06 и 12 др. жалоб) // Бюллетень ЕСПЧ. 2020. № 1. С. 42–50.

⁵ Там же.

невозможности очного предъявления лица для опознания.

В постановлении ЕСПЧ по делу «Салиба против Мальты»⁶ суд констатировал, что в уголовно-правовом контексте несовпадения между собственными показаниями потерпевшего и данными на разных стадиях, а также глубокие противоречия между серьезными видами доказательств обычно порождают серьезное основание для оспаривания достоверности потерпевшего и доказательной силы его показаний.

Как указывает ЕСПЧ, поразительно, что, отмечая противоречия в показаниях З., суд первой инстанции не указал, почему он считает, что его показания остаются достоверными и надежными, особенно ввиду того, что З. опознал С. через пять лет после ограбления⁷.

В традиции российского уголовного судопроизводства понятие справедливости употребляется в несколько ином смысле, чем в ст. 6 Конвенции. Согласно УПК РФ, термин «справедливость приговора» в его материально-правовом значении определяет соразмерность преступного деяния и назначенного судом наказания. Статья 6 Конвенции понятие «справедливость» толкует в ее процессуально-правовом смысле, включающем систему процедурных требований, составляющих право человека на справедливое судебное разбирательство⁸. Приговор не правосуден, если само разбирательство не было справедливым по процедуре.

Допустимость заключения специалиста, представляемое стороной защиты, — ахиллесова пята правосудия. Насколько допустима практика отказа стороне защиты в принятии и исследовании заключения специалиста, которое, согласно п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, признается законодателем одним из видов легальных доказательств по делу? Это положение, к сожалению, так и не воспринято практикой единообразно. Главная

проблема — в отсутствии процессуального регулирования процедуры получения заключения специалиста, в том числе критериев выбора защитой специалиста, порядка предупреждения его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, возможность составления заключения по любым вопросам, предложенным защитой, но без проведения соответствующих специальных исследований⁹.

Согласно ст. 6 Конвенции, сторона защиты должна иметь возможность вести активную защиту, в том числе путем вызова свидетелей в свою пользу или представления иных доказательств. ЕСПЧ, анализируя обстоятельства дела «Пичугин против Российской Федерации»¹⁰, указал, что отказ судов признать заключения специалистов в качестве доказательств нарушил принцип равенства сторон.

С одной стороны, экспертные заключения, представленные стороной обвинения, были получены без какого-либо участия стороны защиты. Защита не имела возможности сформулировать вопросы экспертам или предложить своих экспертов для включения их в экспертную группу.

С другой стороны, у стороны защиты была возможность оспорить экспертные заключения, представленные стороной защиты, и попросить суд провести новую экспертизу. Суд первой инстанции допросил экспертов в присутствии заявителя и его адвокатов, которые могли задать вопросы экспертам и поставить под сомнение их авторитет.

Далее ЕСПЧ делает категоричный вывод, что трудно оспорить заключение эксперта без помощи другого эксперта в соответствующей области. Таким образом, «простого права защиты попросить суд провести еще одну экспертизу недостаточно. Чтобы реализовать это право, защита должна иметь такую же возможность представить свои собственные «заключения эксперта»»¹¹.

При этом ЕСПЧ признает, что указанное право не является абсолютным и формы, в которых защита может обращаться

⁶ Постановление ЕСПЧ от 29 ноября 2016 г. по делу «Салиба против Мальты» (жалоба № 24221/13) // Бюллетень ЕСПЧ. 2017. № 4. С. 16–17.

⁷ Там же.

⁸ Допустимость доказательств в уголовном процессе: стандарты ЕСПЧ и судебная практика / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. М., 2016. С. 202–203.

⁹ Там же. С. 262.

¹⁰ Постановление ЕСПЧ по делу «Пичугин против Российской Федерации» от 6 июня 2017 г. (жалоба № 38908/07) // Бюллетень ЕСПЧ. 2018. № 4. С. 111–114.

¹¹ Там же.

за помощью экспертов, могут различаться. В деле «Пичугин против Российской Федерации» сторона защиты пыталась представить свои собственные заключения специалиста. Это заключение имело отношение к делу, но суд отказался признать его в качестве доказательства, ссылаясь на него как на оценочное суждение, выраженное специалистом, который не являлся экспертом, назначенным судом.

Вышестоящий суд оставил в силе выводы суда первой инстанции. Власти Российской Федерации не объяснили, какие другие варианты были доступны стороне защиты, чтобы представить свои заключения эксперта. Поэтому ЕСПЧ пришел к выводу, что способ, которым национальные суды оценивали и признавали доказательства в деле Пичугина, не устанавливали равновесие между стороной защиты и обвинения, нарушая тем самым принцип равенства сторон.

При проверке законности постановления о возбуждении уголовного дела следует обратить внимание на порядок вынесения данного решения, обладало ли должностное лицо, принявшее соответствующее решение, необходимыми полномочиями, имеются ли поводы и основание для возбуждения уголовного дела¹².

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда отменила приговор Невьянского городского суда в отношении С. При постановлении обвинительного приговора ни органы следствия, ни суд не учли, что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации¹³ (далее — УК РФ), относится к делам частно-публичного обвинения, поскольку оно совершено членом органа управления коммерческой органи-

зации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Такое дело может быть возбуждено не иначе как по заявлению потерпевшего, за исключением случаев, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Из обстоятельств дела следовало, что преступление совершено членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией¹⁴.

По постановлению суда постановление следователя о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ в отношении неустановленного лица признано незаконным и необоснованным. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в кассационном представлении поставил вопрос об отмене состоявшихся судебных решений, указывая на то, что вывод суда о невозможности возбуждения уголовного дела без рассекречивания материалов оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), в ходе которого было изъято наркотическое средство, не основан на законе.

Оставляя без изменения постановление суда, суды апелляционной и кассационной инстанций сослались на то, что при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела были нарушены требования ч. 2 ст. 140 УПК РФ, поскольку в его описательно-мотивировочной части не содержатся достаточные данные, которые бы указывали на обстоятельства сбыта наркотического средства одним лицом другому.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ отменила постановление суда и последующие судебные решения. В УПК РФ отсутствует требование об обязательности выяснения уже на стадии возбуждения уголовного дела всех обстоятельств произошедшего события, содержащего признаки преступления. В данном случае достаточно установить факт нахождения во владении лица наркотического средства, указывающий

¹² См.: Наумов К. Назначение стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2018. № 3. С. 59–63; Курченко В.Н. Проблемы получения доказательств в стадии возбуждения уголовного дела по наркотическим преступлениям // Судебная власть в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития: мат. науч.-практич. конф. (15.10.2004). Екатеринбург: Издательский дом УрГЮА, 2005. С. 41.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 17 февраля 2016 г. № 22-669/2016 // Архив Свердловского областного суда.

на наличие признаков незаконного оборота наркотических средств¹⁵.

Возбуждение уголовного дела в отношении исполнителя преступления (ст. 105 УК РФ) не лишает органы предварительного следствия права в дальнейшем предъявить обвинение в рамках данного уголовного дела иным установленным соучастникам преступления (например, его организатору). В соответствии с уголовно-процессуальным законом (ст. 140, 146 УПК РФ) основанием для возбуждения уголовного дела публично обвинение служит наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица по таким делам обязательным не является.

Как признал ВС РФ, возбуждение нового уголовного дела в отношении В. не требовалось, поскольку его обвинение связано с фактическими обстоятельствами, расследованными по ранее возбужденному уголовному делу¹⁶.

ЕСПЧ признал одной из серьезных проблем российского уголовного судопроизводства отсутствие реального и эффективного механизма расследования пыток и иных незаконных методов ведения следствия. По делам, где имеются основания полагать, что в отношении обвиняемого применялись недозволенные меры ведения следствия, следователи не вправе уклоняться от проверок доводов об этом. В постановлении ЕСПЧ по делу «Фартушин против России»¹⁷ обращается внимание на процессуальные обязательства России по ст. 3 Конвенции. ЕСПЧ сформулировал «новый дискурс» проверки доводов по жестокому обращению с обвиняемым.

ЕСПЧ указал: в рамках российской правовой системы в случаях небезосновательных утверждений в отношении обращения органы власти должны возбудить уголов-

ное дело и провести надлежащее расследование, по которому осуществляется целый спектр следственных мероприятий и которое представляет собой эффективное средство правовой защиты для лиц, пострадавших в результате жестокого обращения в правоохранительных органах согласно внутригосударственному праву. Сам факт отказа следственных органов в возбуждении уголовного дела по обоснованным жалобам на жестокое обращение во время нахождения в правоохранительных органах служит доказательством неисполнения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного ст. 3 Конвенции¹⁸.

Заявитель подал жалобу прокурору г. Сарова о том, что он подвергался жестокому обращению в полиции. Прокуратурой жалоба передана в следственный отдел г. Сарова. Органы следствия неоднократно выносили постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления в действиях сотрудников правоохранительных органов.

Вывод ЕСПЧ: его заключение должно сыграть роль своеобразной «пожарной тревоги», указывая на возможные серьезные проблемы в деятельности органов следствия, поэтому доводы заявителя о жестоком обращении с ним должны быть проверены с использованием «процессуального фильтра» через призму возбуждения уголовного дела.

В российском уголовном процессе постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение — уникальные документы, это тот процессуальный плацдарм, на котором в судебном заседании обязано уместиться государственное обвинение в суде. Обвинительные заключения должны составляться следователями с акцентом на предмет доказывания применительно к каждому конкретному составу преступления, с соблюдением принципов процессуальной экономии и достаточности доказательств, представляемых сторонами. Изготовление обвинительных заключений не может представлять собой простое копирование собранных по делу доказательств в полном объеме, без учета их необходимости и достаточности для доказывания не-

¹⁵ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 11-УДП16-45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. С. 44–45.

¹⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2016 г. № 72-АПУ16-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 3. С. 4–5.

¹⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 октября 2015 г. по жалобе № 38887 «Фартушин против России» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 4. С. 41.

¹⁸ Там же.

обходимых обстоятельств, без оценки доказательств стороны защиты. Обвинение, изложенное в обвинительном заключении, должно соответствовать обвинению, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого; описательная часть обвинительного заключения должна соответствовать резолютивной его части. Суд обязан обратить внимание на малейшую неточность, ошибки, опечатки в этих документах, иначе произойдет сбой в процессе судебного рассмотрения уголовного дела. В групповых преступлениях должна быть разграничена роль каждого соучастника.

Постановлением Алапаевского городского суда Свердловской области от 11 мая 2018 г. возвращено прокурору уголовное дело по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «г», «з» ч. 2 ст. 112, ч. 4 ст. 150 УК РФ, Ю. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, поскольку в предъявленном К. и Ю. обвинении не отражено, какими действиями каждого из подсудимых при совместном причинении телесных повреждений причинен вред здоровью средней тяжести и легкий вред

здоровью потерпевшего, на каком основании действия К. и Ю. квалифицированы по различным статьям УК РФ при совершении ими преступления в составе группы лиц. При изложении обвинения К. по ч. 4 ст. 150 УК РФ в отношении Ю. не отражено, с кем в группе он совершил преступление, предусмотренное п. «г», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. При квалификации действий Ю. по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ в составе группы лиц действия соисполнителя К. не получили юридической оценки. Обвинительное заключение не содержит данных о том, в какую преступную группу, кем и когда созданную, в какие преступления был вовлечен несовершеннолетний Ю.

В ходе подготовки к рассмотрению уголовного дела в общем порядке главная задача судьи состоит в том, чтобы убедиться в отсутствии препятствий и достаточности оснований для рассмотрения дела по существу. Фактически судья уже на данном этапе несет ответственность за вынесение будущего справедливого судебного решения по делу с учетом системного соблюдения всех требований ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека.

Литература

1. Допустимость доказательств в уголовном процессе: стандарты ЕСПЧ и судебная практика : научно-практическое пособие / коллектив авторов ; под общей редакцией В.А. Давыдова, В.В. Ершова. Москва : Право, 2016. 302 с.
2. Курченко В.Н. Проблемы получения доказательств в стадии возбуждения уголовного дела по наркотическим преступлениям / В.Н. Курченко // Судебная власть в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития : материалы научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 15 апреля 2004 г.) : сборник научных статей. Екатеринбург : Издательский дом УрГЮА, 2005.
3. Наумов К. Назначение стадии возбуждения уголовного дела / К. Наумов // Законность. 2018. № 3. С. 59–63.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Страсти по «Закону о сборе валежника»: от теории к практике

Абдулин Роберт Семенович,
заведующий кафедрой уголовного права
Курганского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент,
судья Курганского областного суда в отставке
abrosem@yandex.ru

Исторически сложилось, что правила сбора валежника требуют ясного и четкого толкования, поскольку от этого напрямую зависят правильное, точное и единообразное понимание данного вида хозяйственной деятельности, установление его подлинной сути. Цель статьи — проанализировать теоретические и практические стороны законодательства о сборе валежника, высказать свою точку зрения по данной проблеме. Анализируются понятия, характеризующие такие категории, как «дерево» и «валежник», исследуется практика применения нового законодательства в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: закон, уголовный закон, валежник, правила сбора валежника.

Turmoil around the Law on Collection of Fallen Deadwood: From the Theory to Practice

Abdulin Robert S.
Head of the Department of Criminal Law of the Kurgan State University
LL.D., Associate Professor
Judge Emeritus of the Kurgan Regional Court

Historically, the rules for collection of fallen deadwood require clear and unambiguous interpretation as they produce a direct impact on the correct, precise and uniform understanding of this economic activity type, establishment of its true essence. The purpose of the article is to analyze the theoretical and practical aspects of the laws on collection of fallen deadwood, share own opinion on the subject. The author analyzes the concepts characterizing such categories as "tree" and "fallen deadwood", studies the new law application practice in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: law, criminal law, fallen deadwood, rules for collection of fallen deadwood.

Поводом для подготовки данной статьи послужила информация в СМИ о том, что в одном из районов Нижегородской области в отношении местного жителя возбуждено уголовное дело по ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ) «Незаконная рубка лесных насаждений», да еще и с таким квалифицирующим признаком, как «в крупном размере» (ч. 3). Во всей этой истории усматривается одно обстоятельство, которое

не должно пройти мимо внимания юридического сообщества. Дело в том, что из опубликованной информации следует: речь идет не о рубке лесных насаждений, а о распиловке и вывозе деревьев, поваленных ветром. Данное обстоятельство кардинально меняет судебную перспективу дела.

Проблемы отграничения невинного сбора валежника ребенком от рубки деревьев матерым расхитителем народного достояния далеко не новы. Именно об этом в далеком 1848 году писал Карл Маркс в своей знаменитой статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», честно тогда назвавший

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

уголовный закон «великим лицедейством»². Данную проблему на уровне анализа философских воззрений Гегеля в своих работах затрагивал проф. Андрей Андреевич Пионтковский, когда, погружившись в суть вышеназванной работы К. Маркса, отмечал, что «лесной стражник, определяющий стоимость валежника или порубки — эксперт, мнением которого связан суд»³. По этой же проблеме динамику грамматики правопорядка⁴ проследил и проф. Н.А. Колоколов, как известно, рассматривающий уголовную политику государства как некую «загадочную очевидность»⁵.

Согласно Федеральному закону от 18 апреля 2018 г. № 77-ФЗ «О внесении изменения в ст. 32 Лесного кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 77-ФЗ), который вступил в силу с 1 января 2019 г., валежник отнесен к недревесным лесным ресурсам (первый в этом перечне)⁶. Валежник — с виду такое простое слово, но оказалось, что на практике оно с трудом поддается толкованию. За последние два года понятие «валежник» как в теории, так и на практике стало одним из остродискуссионных элементов реализации принятого «Закона о валежнике».

Очевидно, чтобы не допустить ошибки, граждане, органы власти, правоохранительные органы и суды должны получить четкое разъяснение понятия «валежник». От этого толкования зависит «правильное, точное и единообразное понимание и приме-

нение закона, установление его подлинной сути, которую законодатель вложил в словесную формулировку»⁷. Однако в примере с валежником, ко всеобщему глубокому сожалению, идея и воля инициаторов принятия этого закона все еще не нашли полного и правильного понимания ни в органах власти субъектов Российской Федерации, ни у правоприменителей. Принятый по многочисленным обращениям граждан, «распиаренный» в СМИ закон стал приносить людям одни только неприятности и страдания. Да и сами законодатели разделяют тот горький сарказм, который прозвучал в адрес порожденного ими закона со стороны гражданского общества.

Депутат Государственной Думы О. Нилов считает, что толкование понятия «валежник» не следует отдавать на откуп регионам, поскольку это может привести не только к бюрократизации, но и к самому настоящему произволу со стороны местных администраций⁸. И из многочисленных примеров, приведенных в СМИ, видно, что все в основном так и происходит.

В этой связи уместным будет напомнить суждение проф. Е.В. Васьковского, который писал, что «толкование должно воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с этой нормой ее создатель... Вопрос лишь в том, из каких источников, кроме самого текста нормы, могут быть почерпнуты сведения относительно истинной мысли и воли законодателя»⁹.

Если продолжить эту мысль Е.В. Васьковского, то перед современным интерпретатором (правоприменителем) стоит задача путем толкования не только раскрыть действительную задумку и волю законодателя, но и обнаружить еще и скрытое содержание каждой конкретной нормы права. Это очень сложная задача. Поскольку реализация любой правовой нормы, а тем более той, в которой не раскрыты идея и воля законодателя, во многом зависит от правопонимания субъекта толкования, его подготовленности к самостоятельному мышлению.

² Маркс К., Энгельс Э. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 234.

³ Пионтковский А.А. Защита Марксом в «Рейнской газете» демократической формы судостроительства и процесса // Смертная казнь в Европе. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. Публицистика на уголовно-политические темы. М., 2013. С. 362.

⁴ Колоколов Н.А. Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к новой повестке дня в современной уголовной политике // Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса. М., 2019. С. 205–223.

⁵ Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., 2014. 206 с.

⁶ Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 77-ФЗ «О внесении изменения в ст. 32 Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278; 2020. № 17. Ст. 2725.

⁷ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 14–34.

⁸ URL: <https://spravedlivo.ru/9327910>

⁹ Васьковский Е. Руководство к толкованию и применению законов. М.: Городец, 1997. С. 21.

Очевидно, что законодательные органы еще в процессе правотворчества прежде всего сами для себя должны уяснить текст нормы, а затем в максимально доступной форме разъяснить ее содержание для граждан и правоприменителей.

Кстати, по анализируемому закону была сделана попытка растолковать его применение в письме комитета Совета Федерации (далее — СФ) по аграрно-продовольственной политике от 14 февраля 2020 г. № 3.7-23/350¹⁰ путем разработки памятки для граждан, осуществляющих заготовку и сбор валежника для собственных нужд. Данная памятка иллюстрирована красочными фотографиями с изображениями различных видов валежника и одновременно видами деревьев, которые, по мнению комитета, нельзя признать валежником.

Между тем некоторые разъяснения и рекомендации памятки являются достаточно спорными, поскольку углубляются в сферу специальных познаний, которым, на взгляд автора, должно быть место в Лесном кодексе Российской Федерации¹¹, специальных нормативных правовых актах, издаваемых Рослесхозом или Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Например, Комитетом разъясняются такие понятия, как «ветровальные» и «буреломные» деревья; приводятся признаки «естественного отмирания (мертвого)» дерева, «брошенной и заготовленной древесины». Более того, Комитет отмечает, что незнание правильного толкования понятия «валежник», правил его сбора может привести к административной и даже уголовной ответственности. При этом указывает, что «за самовольную заготовку древесины сухостойных либо ветровальных, буреломных, снеговальных, снеголомных деревьев, не являющихся мертвыми, гражданин может быть привлечен» к юридической ответственности, и ниже перечисляются ее виды, в том числе

незаконная рубка, кража деревьев и иных лесных насаждений.

По мнению автора, толкование Комитетом понятия «валежник» поставило больше вопросов, чем дало на них ответов. Не дают ясного и четкого ответа гражданам и региональные законы, которые еще больше запутали их в понимании понятия «валежник», правилах его сборки и заготовки.

В настоящее время в семидесяти семи регионах России уже приняты законы, внесены поправки в уже имеющиеся нормы, регламентирующие порядок заготовки древесины для личных нужд, установлены соответствующие нормативы данного вида деятельности. Анализ некоторых региональных законов проведен доцентом кафедры лесоводства СПбГЛТУ О. Григорьевой. Из ее статьи следует, что принятые законы шаблонны, так как во многом повторяют памятку комитета СФ по аграрно-продовольственной политике с добавлением своеобразного местного колорита, что нередко противоречит здравому смыслу.

Например, в Тульской и Пензенской областях граждане должны собирать валежник без использования рубящего инструмента, пил и сучкорезов. *(Хотелось бы взглянуть на разработчиков этих правил, как они будут заготавливать валежник без инструментов. — А.Р.)* В Тверской области длина собранных веток валежника не должна превышать 1 м, есть регионы, в которых валежник признаются ветки длиной 1 м 20 см.

В Магаданской области заготовка и сбор валежника разрешаются только с применением любого ручного инструмента, а также приспособлений и механизмов, приводимых в рабочее состояние также вручную. При этом собранный валежник должен быть вывезен с лесного участка к месту использования строго в день сбора или заготовки.

Согласно Закону Краснодарского края, гражданин, желающий заготавливать и собирать валежник, обязан сначала уведомить об этом органы охраны, защиты и воспроизводства лесов. После чего гражданину выделяется лесной участок с указанием выдела, квартала, участкового лесничества и лесничества, в границах которого можно вести заготовку и сбор валежника. Лесничеством ведется учет объема и качества за-

¹⁰ Письмо СФ ФС РФ от 14 февраля 2020 г. № 3.7-23/350 «О направлении Памятки для граждан, осуществляющих заготовку и сбор валежника для собственных нужд» // URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-sf-fs-rf-ot-14022020-n-37-23350-o/>

¹¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

готовленного валежника до момента его вывоза из леса¹².

Ну как тут не вспомнить слова В.И. Ленина: «Формально правильно, а по сути — издевательство», которые он произнес по поводу того, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец получает нечто формально правильное¹³.

Изложенное свидетельствует лишь о том, что новый законодательный акт по заготовке и сбору валежника для собственных нужд изначально не был обеспечен своевременными правовыми позициями по вопросу толкования и применения данной правовой нормы. Вследствие чего субъекты правоприменения неправильно истолковывают ту или иную норму закона, необоснованно расширяя круг деяний, подпадающих под ее действие.

По мнению автора, толкование в правотворчестве и толкование в правоприменительной деятельности — это две диалектически взаимосвязанные стороны одного единого процесса. Прежде всего законодатель, принимая нормативно-правовой акт (статью), должен обратить внимание на проблемы, связанные с уяснением истинного содержания нормативно-правового акта, поскольку в последующем правоприменительные органы осуществляют толкование, исходя из его существа и целей законодательного регулирования.

Данный тезис нашел свое подтверждение в определении Верховного Суда Российской Федерации, в котором прямо указывается, что «суд принимает во внимание не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило»¹⁴.

Таким образом, толкование, осуществляемое правоприменительными органами, должно не только стать продолжением мыс-

лительной деятельности предыдущей стадии, но и своего рода транслятором мысли и слов законодателя.

В связи с этим обратимся к свежему приказу Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 28 июля 2020 г. № 496 «Об утверждении Правил заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов» (далее — Приказ № 496), который вступил в силу с 1 января 2021 г. и будет действовать до 1 января 2027 г. В третьем разделе этих правил подробно изложены требования к использованию лесов при осуществлении заготовки и сбора отдельных видов недревесных лесных ресурсов. Согласно им, «при заготовке валежника осуществляется сбор лежащих на поверхности земли остатков стволов деревьев, сучьев, не являющихся порубочными остатками в местах проведения лесосечных работ и (или) образовавшихся вследствие естественного отмирания деревьев, при их повреждении вредными организмами, буреломе, снеговале и других природных явлений».

Заготовка валежника осуществляется в течение всего года.

При заготовке валежника допускается применение ручного инструмента (ручных пил, топоров, легких бензопил)¹⁵.

Следует отметить, что нередко в нормативно-правовых актах встречается *сдвоенный составной союз и (или)*. При использовании союза «и» подразумевается строгое соблюдение двух или более условий, а при союзе «и (или)» достаточно соблюдения хотя бы одного условия из перечисленных. А отсюда следует, что для правильного отнесения того или иного лежащего на поверхности земли дерева (или его части) к валежнику не обязательно, чтобы дерево имело признаки естественного отмирания (являлось мертвым).

Как видно из Приказа № 496, валежником может быть и дерево, оказавшееся на поверхности земли в результате бурелома, снеговала, ветровала и других природных явлений, без каких-либо признаков естественного отмирания.

Между тем именно за заготовку валежника, образовавшегося в результате бурелома,

¹² Григорьева О. Новый закон о валежнике. Много шума из ничего... // Леспроектинформ. 2019. № 3 (141). С. 78–81.

¹³ Ленин В.И. Материалы X Всероссийской конференции РКП(б). 27 мая 1921 г. // Полное собрание сочинений. Т. 43. 5-е изд. М., 1970. С. 328.

¹⁴ Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2016 г. № 307-ЭС15-18994 по делу № А56-2042/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 28 июля 2020 г. № 496 «Об утверждении Правил заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов» // СПС «КонсультантПлюс».

ма, снеговала и ветровала, граждане постоянно находятся под угрозой привлечения к административной (ст. 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁶) и уголовной ответственности (ст. 260 УК РФ), предусматривающим ответственность за незаконную рубку.

Между тем в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — Постановление № 21) дано четкое определение предмета преступления и понятия рубки. Согласно пункту 15 этого Постановления, «предметом преступлений, предусмотренных ст. 260 и 261 УК РФ, являются лесные насаждения, т.е. деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, а также деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов. *Не относятся к предмету указанных преступлений, в частности, ветровальные, буреломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами*».

И если вновь обратиться к Приказу № 496, который является специальным нормативным правовым актом, то в нем в качестве валежника не указаны лишь сухостойные деревья.

В пункте 16 Постановления № 21 закреплено понятие рубки, под которой понимается «спиливание, срубание или срезание, т.е. отделение различным способом ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня»¹⁷.

Как видим, в названном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, Федеральном законе № 77-ФЗ и Приказе № 496 красной нитью проходит главная мысль: валежник в прямом смысле этого слова не является де-

ревом. Это — недревесный лесной ресурс, утративший в силу различных причин качественные характеристики дерева (естественное отмирание, повреждение вредными организмами, падение в результате бури, ветра, снега и других природных явлений). Главное здесь то, что стоящие деревья утратили свое качество вне воздействия человека, т.е. без спиливания, срубания или срезания ствола от корня.

Резюмируя изложенное, приведу собственное определение понятия «валежник». Итак, *валежник это — недревесный лесной ресурс, лежащий на поверхности земли или в воде, образовавшийся вне воздействия человека вследствие естественного отмирания дерева и (или) бурелома, снеговала, ветровала и других природных явлений*.

Правильное толкование понятия «валежник» будет напрямую направлено на экономию административной и уголовной репрессии. Ведь прежде чем возбудить уголовное дело или привлечь кого-либо к административной ответственности по делам, связанным с валежником, правоприменителю следует задуматься, а насколько сам закон и разъяснения к нему ясны и понятны, и не нарушаем ли мы сами права и свободы человека, привлекая его к ответственности по этому невятному закону.

Проиллюстрирую свои слова следующим примером. В сентябре 2017 г. в отношении фермера одного из районов Курганской области было возбуждено уголовное дело по ст. 138.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Купил он это техническое средство — GPS-трекер с микрофоном — для слежения за коровой, которая постоянно отбивалась от стада. А поскольку он является инвалидом, то отыскание животного доставляло ему определенную трудность. Про существование такого технического средства он узнал из рекламы. При получении технического средства на почте фермер был задержан сотрудниками ФСБ и местного отдела управления Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ). Никакие приводимые им доводы, что приобретает им это техническое средство только для слежения за животным, ор-

¹⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

ганами правопорядка во внимание приняты не были. В общем, все шло к тому, что уголовное дело было бы направлено в суд, и допускаю, что он был бы признан виновным и осужден. Но ему помогло то, что во время очередной ежегодной пресс-конференции один из журналистов обратился к Президенту Российской Федерации (далее — Президент РФ) В.В. Путину с просьбой помочь разобраться в этой ситуации.

Только после вмешательства Президента РФ Генпрокуратура Российской Федерации (декабрь 2017 г.), СК РФ (январь — март 2018 г.) и даже Правительство Российской Федерации (в течение 2018 г.) высказали свою точку зрения о сомнительности привлечения фермера к уголовной ответственности по данной статье. В результате уголовное преследование в отношении него было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления (март 2018 г.), и прокурором района принесены ему извинения.

Окончательная точка в толковании этой нормы закона была поставлена принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодек-

са Российской Федерации)» в котором указано, что «не могут быть квалифицированы по ст. 138.1 УК РФ действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать, например, в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи, в том числе детей, сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан»¹⁸.

Приведенный пример убедительно показывает, чем может обернуться отсутствие ясного и понятного для граждан, региональных органов власти, правоприменителей толкования нормы закона. И в то же время возникает риторический вопрос: неужели для того, чтобы получить юридически обоснованное толкование и по применению «Закона о валежнике», надо кому-нибудь из журналистов также обратиться к Президенту РФ?

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

Литература

1. Васьковский Е. Руководство к толкованию и применению законов / Е.В. Васьковский ; вступительная статья В.Д. Мазаева. Москва : Городец, 1997. 126 с.
2. Григорьева О. Новый закон о валежнике. Много шума из ничего... / О. Григорьева // Леспроектинформ. 2019. № 3 (141). С. 78–81.
3. Колоколов Н.А. Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к новой повестке дня в современной уголовной политике / Н.А. Колоколов // Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса к 200-летию со дня рождения К. Маркса : сборник статей / ответственный редактор В.В. Лазарев. Москва : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2019. С. 205–223.
4. Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность : монография / Н.А. Колоколов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 206 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Т. 43. Март — июнь 1921 / В.И. Ленин. 5-е изд. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1970. С. 295–341.
6. Маркс К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. В 39 томах. Т. 1. 2-е изд. Москва : Издательство политической литературы, 1955. С. 219–368.
7. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. Москва : Госюриздат, 1962. 166 с.
8. Пионтковский А.А. Защита Марксом в «Рейнской газете» демократической формы судопроизводства и процесса / А.А. Пионтковский // Смертная казнь в Европе. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. Публицистика на уголовно-политические темы / А.А., А.А. и А.А. Пионтковские ; ответственный редактор В.А. Томсинов. Москва : Зерцало, 2013. С. 361–362.

Рассуждения о терроризме в рамках андеграунда

Иванов Никита Георгиевич,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
puasson2008@yandex.ru

Рассматривается терроризм; автор изменил господствующий подход к пониманию и оценке явления «терроризм», предложив рассматривать его как явление полемичное, релевантное, зависимое от идеологических предпочтений, и соответственно такому рассмотрению рекомендовал изменить законодательные инварианты фиксации данного явления.

Ключевые слова: терроризм, политика, идеологема, религиозные учения, доктринальные учения.

Reflections on Terrorism within the Framework of the Underground

Ivanov Nikita G.
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Honored Lawyer of the Russian Federation, LL.D., Professor

The article studies terrorism, the author has changed the predominant approach to the understanding and evaluation of the phenomenon of terrorism by proposing to view it as a polemical, relevant phenomenon depending on the ideological preferences and recommended to change legislative invariants of recording of this phenomenon in accordance with such position.

Keywords: terrorism, politics, ideologeme, religious teachings, doctrinal teachings.

Андеграунд — это стиль бунтарства, неприятия господствующих мнений, которые господствуют не всегда по причине их онтологической обоснованности, а просто потому, что так принято. А уж тем более когда выражено так называемое авторитетное мнение, суждение становится каноном. Начиная статью о терроризме, понимаемом неадекватно принятым положениям или, лучше сказать, описывая явление с позиций его многозначности, полисемичности, хотелось бы надеяться, что тема если и вызовет критику, то обоснованную.

В современной юридической литературе существуют различные толкования феномена, получившего название «терроризм», хотя содержание явления имеет единую семантическую основу, покоящуюся на латинском слове *terror*, которое, по мнению неко-

торых исследователей, ведет свое начало из трудов Тита Ливия, употреблявшего такие эмоциональные выражения, как «страх» и «ужас», что и является переводом латинского слова *terror*¹. Так ли это, трудно сказать с учетом того обстоятельства, что слово «террор» Тит Ливий не использовал. Считается, что впервые оно было употреблено во время Великой французской революции. Якобинец Максимилиан Робеспьер в докладе Национальному Конвенту «О принципах политической морали» говорил: «Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть

¹ Ливий Т. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 17.

одновременно добродетель и террор...»². Однако, невзирая на факт словоупотребления, надо все же отметить, что сущностный смысл действий, составляющих содержание терроризма, покрыт глубокой стариной. Библия, книга Исход (32:25-28): Моисей, получивший скрижали, увидел, что еврейский народ стал поклоняться идолам, и сказал тогда левитам: «Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего».

Страх, ужас и смерть — сущностная составляющая террора с давних времен. В современной доктринальной интерпретации сущность терроризма практически не претерпела изменений. Я не стану приводить множество существующих определений терроризма, которые обычно сопровождают диссертационные исследования с целью критики высказанных мнений. Критика авторских позиций не является целью статьи. Однако несколько позиций по поводу определения рассматриваемого феномена смогут сослужить службу для выделения его сущностной особенности.

Н.Б. Крылов и Ю.А. Решетов под терроризмом в широком смысле понимают «акты насилия или угрозу насилием, цель которых — внушить страх или заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении»³.

Ю.М. Антонян полагает, что «терроризм — это насилие, содержащее в себе угрозу другого, не менее жестокого насилия, для того чтобы вызвать панику, нарушить и даже разрушить государственный и общественный порядок, внушить страх, заставить противника принять желаемое решение, вызвать политические и иные изменения»⁴.

В монографии под редакцией В.С. Овчинского с соавторами под терроризмом понимается «метод разрешения социальных противоречий путем использования

морально-психологического давления, различных видов устрашения, угроз, убийств, физического и психологического насилия»⁵.

В.С. Комиссаров, посвятивший много усилий исследованию терроризма, определял его как «применение насилия со стороны отдельных лиц или групп людей в целях устрашения населения либо отдельных специальных лиц, поддержания социально-психологической атмосферы страха»⁶.

Пожалуй, достаточно определений, тем более что все они сводятся к одному содержательному моменту — применение насилия любого вида для достижения конкретной цели.

Те же определения содержат и нормативные документы, посвященные терроризму. Статья 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁷ определяет терроризм как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами насильственных действий». Международные документы придерживаются такого же содержательного алгоритма. Например, в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.⁸ терроризм определяется как: «а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции (далее — Приложение), и как оно определено в этом договоре; б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного

² Робеспьер М. Избранные произведения. Т. 3. М., 1965. С. 112.

³ Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. Государственный терроризм — угроза международной безопасности // Советские государство и право. 1987. № 2. С. 78.

⁴ Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 10.

⁵ Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 189.

⁶ Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М., 1997. С. 10.

⁷ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения». Везде, во всех определениях насилия, совершаемое с определенной целью, трактуется в пределах феномена, определяемого как терроризм.

Буддийская идеология, как и многие другие религиозные учения, постулировала преодолевать в себе тягу к насилию. Ашока, яркий представитель буддизма, правитель могущественной империи Мауриев (273–232 годы до н.э.), что в древней Индии, учил воздерживаться от убийства живых существ. Он как истинный последователь буддийского учения пропагандировал отказ от грубой силы, однако фактически вынужден был признать ее необходимость ради сохранения стабильности в государстве. И именно благодаря силе, которую он порицал, Ашока создал мощное государство.

Конфуций, который учил добродетелям и в идеале негативно относился к насилию, вынужден был признать, что структурное насилие обществу необходимо ради поддержания общественного порядка. Он призывал апеллировать к сознанию человека, избегая насилия и страха, но вместе с тем отдавал себе отчет в том, что без насилия цивилизация рухнет⁹.

Зороастризм, возникший на территории Иранского нагорья примерно во втором тысячелетии до нашей эры и считающийся одной из древнейших религий мира, учил золотому правилу, которое затем перешло и в христианство: все, что нехорошо для тебя, не делай другим. Но поскольку в мире существует не только добро, но и зло (благодаря Богу Ахура-Мазда сражается со злым божеством Ангра-Майнью), без которого мир немислим, следовательно, насилие в борьбе

со злом также необходимо. Зороастризм, таким образом, признавал необходимость насилия, одновременно не принимая его.

Библия, отличающаяся не только торжеством золотого правила, но и всепрощением («А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую» (Матф. 14:39)), не отвергает насилия, признавая его как неизбежность: «Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:4).

Любовь, прощение и терпимость были кредо раннего Лютера, великого реформатора. Однако реализм и экзистенция привели его к выводу, что пытаться создать общество на основе евангельских принципов любви — это все равно что «снимать с дикого зверя веревки и цепи, позволяя ему кусать и калечить повсюду»¹⁰. Насилие, как это ни парадоксально, необходимо ради торжества добродетели. А коль скоро насилие выступает обязательным элементом общественного бытия, его следует перевести из определений демонизма в константы справедливости, как это делали евангельские экзегеты, рассуждая о трансцендентных свойствах библейских писаний. Робеспьер именно так и поступил, утверждая: «Террор — это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не столько частный принцип, как следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества»¹¹.

Жан-Поль Марат называл вооруженных погромщиков, творивших насилие и сеявших страх по призыву правящей партии якобинцев, «настоящими патриотами». Именно он создал программу захвата власти с помощью террора, сеющего ужас и создающего всеобщую нервность. Марат утверждал, что возбужденную толпу следует организовать, вооружить и направить по нужному для политических лидеров адресу. И тогда «500–600 отрубленных голов обеспечат покой, свободу и счастье»¹². Эмоциональное напряжение призывов якобинцев было так ве-

⁹ Армстронг К. Поля крови. Религия и история насилия. М., 2016. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 262.

¹¹ Робеспьер М. Указ. соч. С. 112.

¹² Марат Ж.-П. Избранные произведения. Т. 2. М., 1956. С. 185; Т. 3. М., 1956. С. 30–306.

лико, что век спустя уже русский литератор В.Г. Белинский говорил: «Если для утверждения социальности (т.е. социализма) нужна тысяча голов, я требую тысячи голов»¹³. Кстати, Герцен свидетельствовал, что Белинский проповедовал необходимость гильотины.

Придя к власти, якобинское руководство усилило террор для уничтожения своих политических противников, наведения революционного порядка, создав, таким образом, модель управления государством, которую они сами так и называли — «террор». Позже большевики в России ввели в политический оборот понятие «красный террор» как действие государства в ответ на «белый террор» контрреволюции. Примечательно, что глава российского государства В.И. Ленин, как истинный якобинец, всячески приветствовал террор в качестве средства ведения государственной политики, называя при этом вещи своими именами: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях»¹⁴. В другом месте вождь мирового пролетариата прямо отождествляет себя и политику советского государства с якобинскими амбициями: «Путать якобинством в момент революции — величайшая пошлость. Демократическая диктатура, как я уже указывал, есть не «организация порядка», а организация войны. Если бы мы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, то имели бы перед собой несколько Вандей. И Маркс прекрасно понимал это, когда в 1848 г. в «Новой Рейнской Газете» напоминал о якобинцах. Он говорил: «Террор 1793 г. есть не что иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией». Мы тоже предпочитаем разделываться с русским самодержавием «плебейским» способом»¹⁵.

Что примечательно во всей этой истории с якобинскими проявлениями: вещи,

повторяю, названы своими именами. Фактическое насилие, употребляемое для торжества, в сущности, субъективных амбиций, прямо называется терроризмом. Но ему придается оттенок благородства, необходимости, из которой истекает справедливость, и в итоге получается справедливый террор.

Все повторяется, повторяется и система регулирования общественных отношений. Они всегда подчиняются повелениям харизматических лидеров, пророков, вождей, президентов, которым сила придает значимость объективного требования. И отношения формируются по незыблемому, можно сказать, метафизическому канону, ведущему свое начало вовсе не от крестовых походов, а из глубины мифических веков — чья власть, того и вера. Главное — как подать феномен. Бандит и разбойник Робин Гуд превращается в благородного защитника бедных именно по той причине, что защищал неимущих, которым придавался флер страдальцев, нуждающихся в заступничестве. Политика заступничества за обездоленных сделала бандита романтическим героем. Абсолютно то же самое происходит и с характеристикой актов, которые носят название «терроризм». Его оправдание зависит исключительно от точки зрения, с которой явление рассматривается. Сикарии, например, почитались в Иудее как защитники свободы (сикарии, т.е. «кинжальщики» (1-й век н.э.), — боевая еврейская группировка, совершавшая террористические акции против римлян ради освобождения Иудеи), поскольку целью их было изгнание римских захватчиков и восстановление древнего благочестия, которое яро пропагандировал их лидер Иуда Галилеянин. Они были убийцы, но уважаемые еврейским демосом, который одновременно испытывал страх перед ними. В Риме они почитались как преступники, т.е., выражаясь современным языком, террористы.

Методы борьбы с режимом у народников были явно террористическими, что они сами и не скрывали (убийства, распространение страха). Но их поддерживала толпа, состоящая не только из рабочих и крестьян, но и чиновников и армейских чинов. Народники почитались как освободители, благородные и самоотверженные революционеры. Правящий режим, напротив, считал их

¹³ Ересь утопизма // Историк. 2018. № 5 (41). С. 27.

¹⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1959. С. 7.

¹⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1960. С. 137–138.

бандитами, хотя и проявлял к ним снисхождение (дело Веры Засулич, очевидной террористки, признанной невиновной). Чья власть, того и вера.

Но во времена народников, якобинской диктатуры во Франции, ленинского режима достижение поставленных целей посредством насилия не стеснялись называть террором, придавая ему, однако, необходимые черты привлекательности. Лидеры-пропагандисты террора прекрасно понимали, что термин, символизирующий насилие, страх и ужас, имеет единые семантические корни для всех подобных поведенческих проявлений. Если считать иначе, тогда превращение террора в благородный, самоотверженный поступок зависит вовсе не от сущностной характеристики явления, а исключительно от смены идеологем. Таким образом, поерничав, при смене, например, демократии на оклократию, право, к определениям которого мы привыкли и которое мы почитаем как необходимый инструмент для гармоничного сосуществования, легко может превратиться в «лево» с отрицательным оттенком.

«Я — то, что я есть! Я был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда блистала над моей колыбелью», — говорил Шекспир. И это не что иное, как философское размышление над бытием. Субстанция, явление, феномен остаются тем же, чем они были всегда, несмотря ни на какие перемены, если только не изменится их сущностное состояние. Поэтому если рассматривать то, что в настоящее время носит название «терроризм», как вещь в себе, безотносительно к режимным требованиям, субъективным амбициям лидеров, тогда любые насильственные акты с определенным целеполаганием подпадают под это определение. Например, ельцинский штурм парламента, насильственный разгон демонстрантов и т.п. Как, например, следует оценить приказ Ельцина о штурме Белого дома, где погибли 150 человек, четыре сотни были ранены, а Хасбулатов и Руцкой арестованы и отправлены в «Лефортово»? Если действия, совершаемые на основе приказа Ельцина, оценивать с позиций вещи в себе, тогда это терроризм. Но все не просто.

В современном социально-правовом пространстве акты, в сущности, составляющие то, что входит в определение «терро-

ризм», таким термином не именуются. Власти аккуратно избегают употреблять такую терминологию по отношению к собственным действиям, именуя их как наведение порядка (общественного, конституционного...). Теккерей в «Ярмарке тщеславия» отлично представил этот фрагмент в характеристике общества, которое ничего не имеет против порока, но не терпит, чтобы порок называли его настоящим именем. И, надо признаться, это правильно с тех позиций, что государство, как и каждый его член, должно себя защищать. Государство обязано отстаивать свои приоритеты, иначе оно будет очень быстро преобразовано в результате террористических изменений. История знает массу примеров таких метаморфоз. Слабое государство, не применяющее силу, не способное себя защитить, погибает. В таком контексте насилие следует рассматривать как бремя общественного формирования, без которого общество не сможет более или менее комфортно существовать. И в этом смысле я полностью разделяю позицию Г.В. Мальцева, писавшего: «Признак авторитарности нормативного регулирования выдает сокровенную тайну, этически неудобную особенно для юристов, заключающуюся в том, что именно сила и власть дают субъекту право регулировать объект, создавать норму и применять ее. Что бы ни говорили, но сила предшествует праву...»¹⁶.

Государства, как и людей, нельзя порицать за то, что они заботятся о собственной безопасности, говорил Фукидид. Правящий режим должен себя защищать. Если он делает это с помощью средств, которые в иных ситуациях получают стигму «порок», тогда такие, в сущности, порочные средства необходимо наделить более привлекательной семантикой, семантикой с положительным значением. Это неизбежное следствие развития государственного, да, впрочем, и любого другого социального образования. Режим, если он господствующий, должен хотя бы внешне иметь привлекательность, в частности, в виде вербальных идеологем. Если член социума не желает мириться с господствующей идеологемой, извольте, для таких обстоятельств существует фронда или

¹⁶ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2019. С. 25.

оппозиция. В рамках фронды порок может быть представлен в своем истинном обличье. Но в рамках оппозиции этот порок будет заменен другим, который уже получит более заманчивое смысловое выражение, приемлемое именно для оппозиции. И это неизбежная данность любого общественного формирования. Чья власть — того и вера.

Итак, терроризм — это, конечно, плохо. Но все же, работая с этим феноменом в рамках, например, правового поля, надо учитывать, что терроризм в большей мере представляет собой явление политическое, выступающее как средство достижения определенных целей. Подобные суждения проникнуты оппортунистической теодицеей как оправданием существующих режимных требований с одновременной их критикой. Но они основаны на реалиях и на полисемич-

ности феномена «терроризм». Град Китеж, в котором и текут молочные реки, и отсутствует какое-либо насилие, согласно преданию, никому не является, потому что нет достойного представителя современного рода человеческого, который бы избегал пороков и не участвовал в насилии.

Вывод, который может быть сделан из всего изложенного выше, заключается в том, что терроризм тяготеет в большей мере не к праву, а к политике с ее господствующими идеологемами. Право только защищает эти идеологемы от посягательств. В этой связи терроризм является не уголовным преступлением, а преступлением политическим, и негативный оттенок явления зависит исключительно от восприятий этого средства упрочения режима или установления торжества намеченных целей от позиции правящего демиурга.

Литература

1. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю.М. Антонян. Москва : Щит-М, 1998. 305 с.
2. Армстронг К. Поля крови. Религия и история насилия / К. Армстронг ; перевод с английского Г. Ястребова. Москва : Альпина нон-фикшен, 2016. 537 с.
3. Ересь утопизма // Историк. 2018. № 5 (41). С. 25–27.
4. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ / В.С. Комиссаров. Москва : Кросна-Лекс, 1997. 159 с.
5. Крылов Н.Б. Государственный терроризм — угроза международной безопасности / Н.Б. Крылов, Ю.А. Решетов // Советские государство и право. 1987. № 2. С. 78–84.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 томах / В.И. Ленин ; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Т. 5: Май — декабрь 1901. Москва : Госполитиздат, 1959. 550 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 томах / В.И. Ленин ; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Т. 10: Март — июнь 1905. Москва : Госполитиздат, 1960. 578 с.
8. Ливий Т. История Рима от основания города. В 3 томах. Т. 1 / Т. Ливий ; переводы под редакцией М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, В.М. Смирнова ; комментарий Н.Е. Боданской ; ответственный редактор Е.С. Голубцова. Москва : Наука, 1989. 510 с.
9. Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография / Г.В. Мальцев. Москва : Норма, 2019. 800 с.
10. Марат Ж.-П. Избранные произведения : в 3 томах / Ж.-П. Марат ; составители: акад. В.П. Волгин и А.З. Манфред ; перевод. С.Б. Кана ; вступительная статья А.З. Манфреда ; комментарий В.М. Далина. Т. 2 : От начала революции до вареннского кризиса. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. 316 с.
11. Марат Ж.-П. Избранные произведения : в 3 томах / Ж.-П. Марат ; составители: акад. В.П. Волгин и А.З. Манфред ; перевод. С.Б. Кана ; вступительная статья А.З. Манфреда ; комментарий В.М. Далина. Т. 3 : От бегства короля до падения монархии : От 10 августа до созыва Конвента. Марат в Конвенте. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. 420 с.
12. Основы борьбы с организованной преступностью / под редакцией В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. Москва : ИНФРА-М, 1996. 397 с.
13. Робеспьер М. Избранные произведения. В 3 томах : перевод с французского / М. Робеспьер ; издание подготовлено А.З. Манфредом [и др.] ; составитель и вступительная статья А.З. Манфреда ; комментарий А.Е. Рогинской. Т. 3. Якобинская диктатура : Робеспьер в историографии / А.З. Манфред. Москва : Наука, 1965. 378 с.

Рецензия на монографию «Следственная деятельность»
(Книга I. Anchetator. Книга II. Quo vadis? Книга III. Plea Bargaining) /
под ред. д-ра юрид. наук Н.А. Колоколова. — М. : Юрлитинформ, 2021

Химичева Ольга Викторовна,
начальник кафедры уголовного процесса Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
olga-him@mail.ru

Прохорова Екатерина Александровна,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
prokhorovae@mail.ru

Анализируется коллективная монография «Следственная деятельность» под редакцией доктора юридических наук Н.А. Колоколова. Дана оценка авторскому пониманию сущности следственной власти, следственного аппарата, следственной деятельности, следователя как носителя следственной власти, его взаимоотношениям с руководителем следственного органа, прокурором, органами дознания, а также ведомственного контроля, прокурорского надзора, судебного контроля.

Ключевые слова: следственная власть, следственный аппарат, следственная деятельность, следователь, ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль.

A Review of the Monograph Investigative Activities
(Book I. Anchetator. Book II. Quo Vadis? Book III. Plea Bargaining:
monograph /edited by LL.D. N.A. Kolokolov. — Moscow : Urlitinform, 2021)

Khimicheva Olga V.
Head of the Department of Criminal Procedure
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
LL.D., Professor

Prokhorova Ekaterina A.
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the collective monograph Investigative Activities edited by LL.D. N.A. Kolokolov. The paper presents an evaluation of the author's understanding of the essence of the investigative power, investigative branch, investigative activities, investigator as a carrier of the investigative power, his interrelation with the head of an investigative authority, prosecutor, interrogation authorities and departmental control, prosecutor's supervision, judicial control.

Keywords: investigative power, investigative branch, investigative activities, investigator, departmental control, prosecutor's supervision, judicial control.

Монография «Следственная деятельность» — подготовленная под редакцией Н.А. Колоколова трилогия, объеди-

няющая книги, посвященные актуальным проблемам следственной деятельности.

Объект исследования — следственная деятельность — весьма значителен по содержанию. Используемое в монографии понятие «следственная деятельность» в законодательных актах закрепления не нашло и рассматривается в трилогии гораздо шире привычного термина «предварительное расследование преступлений». В связи с этим следственная деятельность включает выявление, регистрацию, раскрытие и расследование преступлений как следователями, так и дознавателями, причем не только в рамках процессуальных аспектов рассматриваемого явления, но и с точки зрения его организации, информационного и электронного обеспечения и человеческого ресурса (так называемых следственных армий и Следственным комитетом Российской Федерации — «следственной гвардии»).

Логика изложения материала нашла отражение в структуре монографии, представляющей собой три самостоятельные книги, последовательно раскрывающие обозначенные проблемы следственной деятельности.

В книге I Anchetator затрагивается основополагающая проблема: кто есть российский следователь — заурядный оформитель результатов труда органов сыска или успешный следопыт. Раскрываются понятия следственной власти, следственной деятельности, следственного аппарата, анализируются такие актуальные предложения по вопросу модернизации следственной деятельности, как создание единого следственного аппарата, учреждение института следственного судьи, судебного следователя, исследуется проблема распределения процессуальных и надзорных полномочий между руководителем следственного органа и прокурором.

Актуальность освещаемых в книге проблем убедительно обоснована такими тезисами, как «эффективность правосудия по уголовным делам находится в прямой зависимости от качества предварительного следствия» (с. 24), «обвинительный подход органов предварительного расследования... провоцирует и обвинительный подход суда» (с. 25).

Следственная деятельность рассматривается как явление, в реальной жизни выходящее за рамки отношений, регламентируемых Уголовно-процессуальным кодексом

Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ). В частности, отмечается, что в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² скрывается то, что в других странах уже давно норма закона процессуального (с. 83). В итоге к предварительному расследованию в монографии относится деятельность всех органов государственной власти независимо от уровня их самостоятельности и ведомственной принадлежности, осуществляющих выявление преступной деятельности в целом, регистрацию конкретных преступлений, установление всех значимых обстоятельств совершения преступлений, выявление лиц, совершивших преступления, применение мер процессуального принуждения, предъявление этим лицам конкретного обвинения (с. 75).

Такой подход вполне применим в изданиях подобного рода, более того, позволяет всесторонне и комплексно изучить проблемы следственной деятельности, тем более что особое место в иерархии причин далекого от идеала состояния российской следственной власти и ее аппарата, по мнению авторов, занимает именно дефицит фундаментальных общеправовых научных знаний о сущности предварительного расследования (с. 32). В свете обозначенной проблемы как необходимое и целесообразное решение предлагается не только разработка единой теоретической доктрины, но и принятие единого общего закона, в котором были бы прописаны предпосылки принятия такого закона, разработаны общие принципы формирования аппарата власти следственной, изложены основы его функционирования (с. 39).

Развивая данную проблему и признавая правильность комплексного подхода к изучению следственной деятельности, отметим, что именно он и обусловил создание в вузах системы МВД России специальных кафедр, занимающихся преподаванием дисциплин, связанных с организацией следственной работы. Вместе с тем полагаем предложение об издании единого закона, который бы опре-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

делил статус следователя, структуру аппарата власти следственной и урегулировал основы следственной деятельности недостаточно обоснованным, особенно с учетом того, что авторы книги не разделяют идею создания единого следственного аппарата, полагая, что вопрос о том, в каких кабинетах и в каком мундире должны сидеть следователи и кто ими будет командовать, вторичен (с. 43). В обществе ничего не изменится, если мы только сменим название следственных органов (с. 69). Поставленный во главу угла вопрос о статусе следователя, его самостоятельности и независимости является сугубо процессуальным, в силу чего подлежит регламентации исключительно в УПК РФ. Изложенное не отрицает учета обозначенной авторами исследования многогранности следственной деятельности в качестве важнейшей задачи юридической науки.

В книге убедительно разграничиваются понятия «следственная власть» и «следственный аппарат», причем последний понимается как носитель власти следственной, институты которой базируются на объективных естественных законах, и следователи, как органы государственной власти, обязаны их правильно применять (с. 32).

Последовательно отстаивая идею о том, что понятие следственной власти и следственной деятельности первично по отношению к понятию осуществляющих ее органов, авторы предлагают оригинальный подход к преподаванию традиционной в юридических вузах учебной дисциплины «Правоохранительные органы» — соответствующий учебник должен называться «Правоохранительная деятельность» и содержать разделы, посвященные отдельным направлениям правоохранительной деятельности: «Следственная деятельность», «Прокурорская деятельность», «Судебная деятельность», «Адвокатская деятельность», «Нотариальная деятельность» (с. 84).

Мы в целом согласны с таким предложением, в дополнение к его обоснованию авторами отметим, что его реализация гарантирует высокую степень стабильности структуры рассматриваемого учебного курса, поскольку виды правоохранительной деятельности в меньшей мере подвержены изменениям, нежели система органов, их осуществляющих.

В монографии проведен глубокий исторический анализ появления и реформирова-

ния должности следователя в России и сделан вывод о трансформации его из судебного деятеля в заурядного чиновника в аппарате исполнительной власти, выполняющего волю своих многочисленных руководителей (с. 100).

Современный следователь — это *Anche-tator* (анкетатор), мелкий чиновник, уполномоченный своим руководством заполнять процессуальные бланки доказательственной информацией, полученной преимущественно органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (с. 119). Эта главная идея имеет в книге веское обоснование не только в историческом аспекте, но и на основе примеров реальных уголовных дел, анализа зарубежных конструкций следственной деятельности, точек зрения ученых, в том числе высказанных в диссертационных исследованиях, поэтому имеет право на существование.

Авторы же с учетом изложенного справедливо призывают перейти от ребрендинга к модернизации основ следственного аппарата и его деятельности, признавая в качестве одной из основ эффективности функционирования любой системы идеологию ее кадрового корпуса и выделяя в качестве основной проблемы следственной деятельности кризис морально-деловых качеств самих следователей (с. 32, 36, 57).

Далеко не со всеми суждениями авторов, демонстрирующими обозначенную проблему, мы можем согласиться. Вызывает возражения утверждение о том, что для современной следственной деятельности характерны пытки, которые к тому же не порицаются обществом, особенно если они приносят быстрый и положительный эффект (с. 62).

В приведенных в книге примерах вопиющих случаев выбивания показаний, закончившихся смертью обвиняемых, напротив, говорится о привлечении виновных в пытках к ответственности, что как раз и означает негативное отношение к ним общества и государства. Намек же на одобрение пыток по другим делам, где они помогли раскрыть преступления и виновные в них не были осуждены, потому что «победителей не судят», является всего лишь предположением, ничем не подкрепленным. Мы уверены, что имеющие место случаи применения пыток являются единичными, преследуемыми по всей строгости закона, с последующим запуском предусмотренных УПК РФ механизмов нейтрализации и минимизации их последст-

вий — реабилитации и возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств. К тому же, как отмечают авторы в книге II — *Quo vadis?* — рецензируемой трилогии, в эпоху информационной революции пытка как средство доказывания теряет свою ценность (с. 192).

Представляется несоответствующим действительности и тезис о том, что следователями по особо важным делам в органах внутренних дел становятся троечники, а лучшие юристы прячутся в адвокатуре (с. 132, 133), поскольку он не подтвержден эмпирическими данными, более того, противоречит приводимым далее статистическим данным о стабилизации показателей следственной работы, которые объясняются, помимо прочих причин, такой сущностной составляющей, как качественный состав следственного аппарата органов внутренних дел (с. 191).

Вместе с тем, несомненно, положительной оценки заслуживает качественная проработка в монографии вопроса эффективности деятельности и путей развития следственного аппарата, который рассмотрен с позиций генезиса и эволюции органов предварительного расследования в России (с. 171).

Интересно мнение авторов монографии относительно концепции введения в России института следственных судей и передачи полномочий по производству предварительного следствия от исполнительной власти судебному ведомству, состоящее в том, что сама такая идея привлекательна и перспективна (с. 139–147), однако нуждается в существенной научной доработке, в том числе с учетом зарубежного опыта.

Бесспорной научной ценностью обладают суждения авторов о дифференциации процессуальных и надзорных полномочий между руководителем следственного органа и прокурором, в которых детально анализируются причины принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»³, закрепившего радикальные из-

менения в рассматриваемом вопросе, а также приводятся обоснованные возражения на аргументы за восстановление ряда утраченных полномочий прокурора.

В книге II *Quo vadis?* (дословно «куда идешь?»), посвященной возможным путям развития отечественного предварительного следствия, рассматриваются процессуальные и околопроцессуальные вопросы: процессуальная самостоятельность следователя, формы взаимодействия следователя и органов дознания, эффективность следственной деятельности, признаки следственно-властных и судебно-властных отношений, феномен адвокатов-следователей и адвокатов-обвинителей, система выявления следственных ошибок, место в ней судов апелляционной и последующей инстанций, а также порожденные научно-техническим прогрессом аспекты следственной деятельности — использование полиграфа в уголовном процессе, цифровизация и искусственный интеллект в решении задач предварительного расследования — и даже такие, казалось бы, далекие от уголовно-процессуальной науки, но, как показали авторы, входящие в систему профессиональных ценностей следователя положения, как этика, эстетика следственной власти и мода.

Процессуальная самостоятельность следователя определяется в книге как его правовое состояние, включающее в себя, помимо прочих элементов, процессуальную независимость. Верно подчеркивается, что расширение полномочий руководителя следственного органа, выразившееся в усилении ведомственного руководства и процессуального контроля, значительно снизило уровень процессуальной самостоятельности следователя, и обоснованно предлагается расширить полномочия следователя по обжалованию решений руководителя следственного органа (с. 11).

Самостоятельный раздел книги посвящен проблеме взаимных уголовно-правовых рисков субъектов должностного обвинения и предпринимателей при производстве по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. Авторы доступно разъясняют природу рисков: для предпринимателей они связаны с имущественными и репутационными потерями в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования, а для следователя — с угрозой быть заподозренным в воспрепятствовании предпринимательской деятельности из

³ Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87–ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

корыстной или иной личной заинтересованности — и убедительно отстаивают идею снижения таких рисков посредством их учета в регламентации процессуального порядка досудебного производства по уголовным делам в отношении предпринимателей по обвинению в экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, а также предлагают закрепление особенностей порядка производства по таким уголовным делам в отдельной главе УПК РФ по аналогии с регламентацией производства в отношении отдельных категорий лиц (с. 48).

Заслуживает одобрения представленная в книге концепция эффективности следственной деятельности, в рамках которой обоснованы критерии эффективности следственной деятельности и определены ее издержки, а также проанализировано соотношение эффективности следственного органа и личной эффективности конкретного следователя. Предложена емкая, но точная формулировка рассматриваемого понятия, определяющая эффективность следственной деятельности как установление объективной истины по максимально возможному количеству преступлений при допустимом уровне материальных, временных и гуманитарных издержек, определяемом отдельно для каждой конкретной следственной ситуации (с. 56). Вместе с тем идея о неотвратимости наказания представляется авторами как миф, недостижимый идеал, что убедительно объясняется путем развенчания других мифов — о полноте регистрации преступлений, о высоких показателях раскрываемости преступлений и др. Очевидно, признает утопичность этих идей и законодатель, поскольку в УПК РФ уже не ставится задача подвергнуть справедливому наказанию каждого совершившего преступление, как это было в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.

Особое внимание в работе уделено системе выявления следственных ошибок судами, представленной в виде двух подсистем — национальной (суды общей юрисдикции и Конституционный Суд Российской Федерации) и наднациональной (Европейский суд по правам человека и Бюро Верховного Комиссара ООН по правам человека), приведены примеры выявления следственных ошибок на всех уровнях обозначенной системы (с. 108). При этом большую часть вины за наличие таких ошибок авторы возложили на прокуро-

ров, которые якобы спят, в первую очередь на этапах движения дела, предшествующих судебному разбирательству, а нередко и в судах первой и второй инстанций (с. 124), с чем мы не можем полностью согласиться. Как отметили сами авторы, особенностью российского уголовного процесса является проверка в каждой последующей стадии следственной и судебной деятельности на всех предыдущих стадиях (с. 108), и, соответственно, прокурорский надзор, судебный контроль и ведомственный контроль в равной мере выступают важными инструментами такой проверки и выявления ошибок.

Интересны приведенные в монографии рассуждения об особенностях методов работы молодых следователей, относящихся к поколению Z, в условиях всеобъемлющей цифровизации. Отраднo, что при этом датаизм — теория, объясняющая вселенную как процессор по обработке данных, — подвергнут справедливой критике. Авторы убедительно отстаивают идею, что альтернативы следователю-человеку на настоящий момент нет, робот не сможет найти индивидуальный подход к человеку, быстро адаптироваться к уникальной следственной ситуации или проявить гибкость и пойти на тактический риск, отступив от заложенной в нем программы (с. 195).

Мы разделяем и мнение авторов по вопросу применения полиграфа в уголовном процессе, твердо убежденных в недопустимости использования в качестве доказательства результатов психофизиологической экспертизы, занимая в этом вопросе позицию Верховного Суда Российской Федерации (с. 107).

Оригинальный подход к характеристике следственной деятельности продемонстрировали авторы монографии, рассмотрев моду как один из механизмов влияния и демонстрации власти в межличностном взаимодействии, который в деятельности следователя может использоваться как инструмент получения дополнительной информации об участниках уголовного судопроизводства. При этом констатируется тот факт, что современные следователи в большинстве своем не интересуются модными тенденциями и не берут на вооружение эту сферу общественной жизни в качестве невербального способа влияния, который мог бы стать дополнительным эффективным инструментом в профессиональном взаимодействии (с. 165).

Говоря о путях реформирования следственной власти, авторы в дополнение к рассуждениям о приоритетах ведомственной принадлежности следователей, изложенных в книге I, исследуют вопросы о доверии общества следственной власти, а также мнение самих следователей и руководителей следственных органов по данному вопросу, и обозначают свой выбор в пользу судебного следователя как идеала, сформированного Великой судебной реформой, но в то же время поддерживают идею образования единого следственного ведомства, принадлежность к которому повысит и авторитет следователя (с. 191).

Книга III *Plea Bargaining* посвящена одноименному институту, название которого переводится авторами как «сделка с правосудием», «переговоры о заключении сделки о признании вины».

Глубокому анализу подвергнуты как сама используемая терминология, так и проблемы рассматриваемого института: проанализированы зарубежное и российское законодательство, точки зрения иностранных и отечественных ученых, позиции Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ), Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мировая и российская судебная практика по освещаемым вопросам, современное состояние и генезис *Plea Bargaining* и раннего признания вины в различных государствах, в том числе в странах континентального права, которые традиционно демонстрируют более осторожный подход к использованию сделок, поскольку уголовное судопроизводство там носит четко выраженный публичный характер и направлено на установление истины.

Особое внимание уделено причинам, побудившим европейские государства взять курс на активное использование *Plea Bargaining*.

Говоря об истории возникновения сделки о признании в России, авторы помимо читаемой между строк аналогии с проблемами, возникающими в уголовно-процессуальных системах большинства европейских государств, обусловившими заимствование элементов англосаксонской состязательной модели, сослались и на высказанное в науке смелое, но небесспорное утверждение о том, что сделки с правосудием были в России и ранее, однако, не будучи узаконенными, являлись нелегальными и аморальными (с. 116).

Мы признаем правило отражения правовым регулированием сложившейся уголовно-процессуальной деятельности важнейшим условием его эффективности, однако полагаем, что указанная в книге практика негласных договоренностей адвоката со следователем об изменении меры пресечения в обмен на информацию по уголовному делу не может обуславливать зарождение рассматриваемого правового института. Полагаем, что если такие случаи и имели место, то они не были повсеместными и должны оцениваться как откровенно незаконные и аморальные, как, впрочем, и отметили авторы монографии, а следовательно, не могут играть роль элемента правового обычая, нашедшего закрепление в законе.

Проблемы *Plea Bargaining* рассмотрены всесторонне: раскрыта сущность данного правового института, выделены отличия российского особого порядка судебного разбирательства от классической американской модели сделки о признании, правильно отмечена их сущность, которая состоит в том, что в гл. 40 УПК РФ закреплена так называемая целерантная сделка — обвиняемый согласился с предъявленным обвинением, что не означает признания им своей вины (с. 119).

Много внимания в монографии уделено как положительным, так и негативным аспектам данного института.

Основной тезис, обоснованный авторами в качестве контраргумента противникам сделки о признании, проходящий красной нитью в исследовании, состоит в том, что основой любого соглашения является мир, поэтому компромисс, уступки оппоненту как средства достижения величайшей цели — мира — всегда оправданны. При таком подходе форма достижения мира, выражающаяся в упрощении, ускорении, всегда вторична (с. 22).

Формы особого порядка судебного разбирательства, предусмотренные гл. 40 и 40.1 УПК РФ, небезосновательно называются в книге важными и необходимыми механизмами обеспечения эффективности, процессуальной экономии и оперативности уголовного процесса в России (с. 123), о чем свидетельствуют нарастающая популярность особого производства среди профессиональных участников процесса и приведенная авторами статистика рассмотрения уголовных дел. Но при этом настораживает фраза авторов о том, что более половины уголовных дел

рассматриваются без проведения *полноценного* судебного разбирательства (с. 121), буквальное толкование которой означает, что особый порядок судебного разбирательства воспринимается как нечто *неполноценное*.

Дальнейшее изучение книги показывает, что противопоставление особого порядка *полноценному* судебному разбирательству не является оговоркой. Авторы последовательно проводят идею о том, что в погоне за эффективностью и процессуальной экономией мы можем, говоря словами первого председателя Верховного Суда Российской Федерации в отставке В.И. Радченко, «потерять институт правосудия и заменить его машиной для признания» (с. 146).

Мы разделяем мнение противников особого порядка, к которым, судя по всему, относятся и авторы рецензируемой работы, отмечающие отступление от важнейших принципов уголовного процесса, например презумпции невиновности, свободы оценки доказательств, обеспечения обвиняемому права за защиту, и уподобляющие отмеченные формы особого порядка банальной сделке, т.е. институту, перенос которого в рамки отечественной процессуальной парадигмы выглядит сомнительно (с. 152). Продолжая рассуждения о несогласованности особого порядка с основными принципами уголовного судопроизводства, отметим в первую очередь его несоответствие назначению уголовного судопроизводства. Так, в случае осознанного самооговора обвиняемого, находящегося, как ему кажется, в безвыходной ситуации, не приходится говорить ни о защите личности от необоснованного обвинения, ни о защите прав и законных интересов потерпевших. Отказ от установления истины, от исследования доказательств в ходе судебного разбирательства затрудняет отказ от уголовного преследования и освобождение от наказания невиновных, которые полагают, что лучше формально согласиться с предъявленным обвинением, что, как мы отмечали ранее, не равнозначно признанию вины. По той же причине рассматриваемый порядок не мо-

жет гарантировать справедливое наказание, особенно с точки зрения потерпевшего, мнение которого по поводу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а значит, и по поводу дальнейших привилегий в наказании для обвиняемого вообще не учитывается.

В заключение отметим, что используемая авторами форма изложения представленного в монографии материала является нетрадиционной для научных исследований, что подогревает интерес читателя. Оригинальные заголовки разделов и глав: «Аксиология следственной деятельности», «Аксиология пытки: польза и ценность», «Полицейская вольница», «Шарлатанство в следственной деятельности», «Следствие: за Веру, Царя и Отечество», «Жители забытой деревни» и др. — побуждают узнать, что за ними кроется, и прочитать монографию от корки до корки.

Необычный, в какой-то мере даже публицистический стиль изложения изобилует аллегориями, емко создающими конкретные и понятные образы («лебедь, рак и щука»), цитированием классики русской литературы («А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь», «Вот приедет барин — барин нас рассудит») и т.д.

Вместе с тем при изложении некоторых положений авторы, по мнению рецензентов, перешли черту дозволенного, их рассуждения о «процессуальных няньках следователя, евнухах-прокурорах (оскопленных новым УПК)», «пурге реальных мухичей, признаваемой священной свободой, закрепленной ст. 38 УПК РФ» (книга I, с. 137) и подобные высказывания неприемлемы в научной литературе.

В целом же монография «Следственная деятельность» является уникальным изданием, отличающимся многогранностью исследуемых проблем и оригинальностью форм их изложения и предлагаемых путей решения, в силу чего может быть рекомендована для изучения и использования в научной деятельности всем тем, кто неравнодушен к вопросам современного состояния следственной деятельности и перспективам ее реформирования.

Литература

1. Следственная деятельность. В 3 книгах. Книга I. Anchetator : монография / коллектив авторов ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 232 с.
2. Следственная деятельность. В 3 книгах. Книга II. Quo vadis? : монография / коллектив авторов ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 224 с.
3. Следственная деятельность. В 3 книгах. Книга III. Plea Bargaining : монография / коллектив авторов ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 264 с.

DOI: 10.18572/2072-4411-2021-1-45-48

Рецензия на монографию «Следственная деятельность» в трех книгах: книга I — *Anchetator*, книга II — *Quo vadis?* и книга III — *Plea Bargaining**

Голоскоков Леонид Викторович,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, кандидат философских наук
akskrf@yandex.ru

Настоящая статья является краткой рецензией на коллективную монографию под редакцией проф. Н.А. Колоколова «Следственная деятельность» в трех книгах: книга I — *Anchetator*, книга II — *Quo vadis?* и книга III — *Plea Bargaining*.

Ключевые слова: следственная деятельность, *Anchetator*, российское предварительное расследование — *Quo vadis*, *Plea Bargaining*.

A Review of the Monograph Investigative Activities in Three Books: Book I — *Anchetator*, Book II — *Quo Vadis* and Book III — *Plea Bargaining*

Goloskokov Leonid V.
Leading Research Scientist of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
LL.D., PhD (Philosophy)

This article is a short review of the collective monograph *Investigative Activities in Three Books: Book I Anchetator, Book II Quo Vadis?, Book III Plea Bargaining* edited by Professor N.A. Kolokolov.

Keywords: investigative activities, *Anchetator*, Russian pre-trial investigation — *Quo vadis?*, *Plea Bargaining*.

В науке нет широкой столбовой дороги,
и только тот может достигнуть ее
сияющих вершин, кто, не страшась
усталости, карабкается по ее каменистым тропам.
Карл Маркс

Монография «Следственная деятельность» — уникальный труд российских ученых и практиков. Необычный формат монографии бросается в глаза сразу: кроме названия общего «Следственная деятельность», каждая из книг имеет свое интригующее название: *Anchetator* (румынск.), *Quo vadis?* (лат.), *Plea Bargaining* (англ.), что автоматически порождает интерес и ожидание того, что нам будет показано покорение трех научных вершин с пока загадочными названиями и что разговор

с читателем пойдет не на сухом научном языке, а по душам, и не только о приземленном, но и о вечном — от древности латыни до высот современной науки.

Ожидание вполне оправдывается уже в первой книге, где оглавление показывает не свойственный одной чистой науке широкий спектр исследуемых направлений, которые раскрывают как историю следственной деятельности, показанную до наших дней, сущность деятельности современного следовате-

* Следственная деятельность. Книга I. *Anchetator* : моногр. / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. 232 с. ; Следственная деятельность. Книга II. *Quo vadis?* : монография / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. 224 с. ; Следственная деятельность. Книга III. *Plea Bargaining* : моногр. / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021. 264 с.

ля, так и темы, выходящие за обычные рамки представлений о проблемах следствия: модели следствия; «Каким быть следствию: вечная тема?»; «Инициатива адвоката Г.М. Резника»; «Аксиология пытки: польза и ценность»; идеалы следствия и его блестящее и беспощадно-честное метафорическое изображение в образе лебедя, раки и щуки из крыловской басни (С.Б. Поляков, разд. I, гл. 5) — такое нечасто увидишь даже в научных журналах!

Вместе с тем любому научному сотруднику, правоохранителю, юристу и студенту есть что почерпнуть в первой книге и в плане чистой и строгой науки (Б.Я. Гаврилов, разд. IV), где в доступной и концентрированной форме подан исторический, статистический и аналитический материал, позволяющий увидеть развитие и становление института следствия через призму его многочисленных проблем, взаимодействия, соперничества, конкуренции и прямых столкновений прокуратуры и следствия между собой. Глубокое проникновение профессионала, практика и ученого позволило в цифрах и фактах показать главные точки научных споров, борьбу идей и становление института современного следствия, несмотря на все препятствия и противодействия.

Итак, в первой книге авторы поставили цель ответить на вопрос: «Кто вы, российский следователь? Заурядный оформитель (Anchetator) результатов труда органов сыска или успешный следопыт?» Новый ракурс и форма постановки вопроса позволили показать совершенно новые подходы к освещению деятельности следователя и следственной деятельности, и хотя ответ на этот вопрос придется еще долго искать в последующих исследованиях, несомненна польза этой книги для молодых юристов, планирующих стать следователями. Научная строгость книги в сочетании с вихрем научных идей и размышлениями об острейших проблемах честно и без их парадной лакировки дает истинные представления о сложности и увлекательности мира следствия. И несомненно, что душа молодого юриста, мятущаяся в поисках профессионального пристанища, будет призвана этой книгой в бурлящий мир следствия для бесконечного движения в сторону юридической истины и справедливости.

Книга III полностью посвящена институту Plea Bargaining, который у нас существует с не совсем корректным переводом на русский

как «сделка с правосудием», а на языке закона (УПК РФ) означает «досудебное соглашение о сотрудничестве». Данная российская новация, состоящая всего из двух-трех слов, имеет длительную правовую историю развития в мире и отражается авторами в конечном вопросе книги: судиться или мириться?

Авторам удалось показать множество аспектов данного института и исследовать проблемы, принесенные институтом Plea Bargaining. В книге нашли место чисто научные подходы и разделы, которые соседствуют с исследованиями-размышлениями, дискуссиями, в которые авторы приглашают читателя. Поэтому в обширных материалах на тему Plea Bargaining найдут для себя много интересного следователи, ученые, студенты, аспиранты, докторанты.

Авторы идут на контакт с читателем, приглашая к диалогу, взаимодействию, размышлению, что проявляется в названиях параграфов: «В чем момент истины?», «Plea Bargaining: триумф или трагедия». Такие заглавия обычно не характерны для строгого формата научных статей. Именно это позволило авторам выйти за академические рамки науки и, не снижая планки высокого уровня научного содержания, увлечь читателя диалогом и дискуссией между Ю.А. Цветковым и Н.А. Колоколовым, задавшими остро, динамику и высокий градус накала страстей, когда читатель невольно погружается в дискуссию, может проследить логику рождения аргументации и получить удовольствие от научной полемики профессионалов. В этом и заключается высокая миссия науки — разбросать камни сомнения, пробудить новаторскую мысль, интерес первооткрывателя, увидеть скрытое, заставить искать новые пути, не останавливаться на достигнутом и идти дальше. Авторы решили эту задачу блестяще.

Раздел V книги II «Эстетика следственной деятельности» (Т.В. Черемисина) совсем маленький и может породить у читателя вопрос — а зачем это надо следователю? Действительно, кто, когда и где поднимал этот вопрос в научных статьях? Кажется, никто и никогда. Но аргумент автора оказался более чем убедителен: «Полное отсутствие интереса к собственному внешнему виду и стилю не повышает авторитет следователя в социуме». Повышать надо, но все известные способы, видимо, себя уже исчерпали. Тогда почему бы не использовать этот необычный инстру-

мент? Он далеко не главный, но ведь «встречают по одежке». Автором показана роль костюма, обуви, ювелирных украшений. Не хватает в исследовании, и можно рекомендовать это сделать в следующем издании книги, других описаний назначения мужских и женских аксессуаров, парфюма. Этим мелочам с советских времен обычно не уделяли внимания — и напрасно, поскольку возможности передачи во внешний мир через них неявных сигналов и смыслов достаточно велики, но использовать их почти никто не умеет — это целая наука. Аксессуары, парфюм, стиль общения — все это особые и тонкие инструменты с широким и неочевидным спектром действия, если знать и понимать, как их использовать. При этом все они являются элементами формы, но ведь и любое уголовное дело следователь начинает с формы и наполняет его формами документов до самого конца. Достижение гармонии между формой и содержанием, в том числе в следственной деятельности — вот тема из числа вечных, и это невысказанный призыв книги — создавать нетленные творения.

Однако тема эстетики будит у нас чувство чего-то упущенного и очень важного, что совсем не получило освещения в книге. При необыкновенно обширном списке затронутых книгами тем даже неудобно подумать о каком-то намеке авторам, что они что-то упустили. Что бы это могло быть?

Это этика, этические принципы, на которых строится взаимодействие всех членов любого общества и государства. Не только законы, а часто в большей степени вовсе не законы являются реальным регулятором отношений, а этика. Можно поднять эти вопросы в монографии, чтобы через умы следователей и их перестроенное мышление, поведение и действие включить механизмы этики, которые позволят построить крепкое и целеустремленное общество, государство и саму следственную деятельность. Это задача дальнего научного прогноза, формирования мечты, идеи, а на их основе и правовых инструментов — доктрины, стратегии. Этим сегодня не занимается никто, и можно в следующем издании начать хотя бы в первом приближении — пусть так же кратко, как и тему эстетики, преподнести тему этики в следствии. Наша гипотеза: душа следователя, даже не понимая этого, тоскует не по вопросам эстетическим (при всей их важности), а этическим. Это во-

просы глобальные, широкого размаха, по ним истосковался русский человек, погрязший в суете мелких дел и сроков, предписаний тысяч законов, западной рациональности, расчетливости, денег. Да, рациональность и расчетливость — это альфа и омега следственной работы, но не только этим живет человек, и что-то нужно для полета души!

Вторая книга набатом будит наше воображение через вопрос *Quo vadis?* (Куда идем?). Это вопрос не только книги II, но и всех трех книг, проходящий лейтмотивом по всем разделам и даже выходящий за их пределы, потому что поднимает много иных тем, находящихся на стыке наук, и их количество зависит только от эрудиции, пытливости ума и интереса читателя. Этот вопрос как бы формирует приглашение читателю идти вместе по сложному и тернистому пути развития следствия. Сначала в чтении и осмыслении феерического калейдоскопа идей авторов трех книг, а потом, возможно, и в попытке читателя дать свои ответы на нерешенные вопросы и проблемы. Включение в интеллектуальное сотворчество — вот что можно уловить из интенции поставленного вопроса. Идти и делать вместе общее дело!

Во второй книге — и это заслуга руководителя авторского коллектива Н.А. Колоколова — авторы не стали уходить от такого острого и болезненного вопроса, как следственная деятельность и бизнес (М.В. Складенко, разд. IV), и в цифрах и фактах показали всю неприглядную картину длительного состояния дел в этой сфере.

В этом маленьком разделе во весь рост встает поставленный в заглавии книги sacramентальный вопрос *Quo vadis?* Почему в данном параграфе нет ответа на этот вопрос? Слабость параграфа обусловлена недоработкой автора? Ведь речь здесь идет о последовательном разрушении экономики страны. Выручим автора: ответа нет потому, что его нельзя найти внутри системы следствия и даже шире — внутри всей правоохранительной системы. Проблема ждет прорывных решений, которые принесет новое поколение следователей, и решения кроются в области морали, этики, воспитания, теории и истории права, управленческой науки, иначе говоря, на стыке наук в междисциплинарном поле, включая и ненаучную часть — мечту, идею, гармонию. Российское законодательство само по себе здесь бессильно, ему нечего

добавить, поэтому, как мы видим, материал по данной теме краткий, хлесткий, но далее в восприятии читателя должна возникнуть пауза... Что делать? Да, книга ставит много вопросов, ожидающих прихода новых сил для их решения. Рано или поздно поставленные книгой вопросы должны быть решены молодыми, дерзкими и напористыми следователями. Им строить будущее, и они уже сейчас должны знать все проблемы без утайки. Поэтому сила параграфа в правде, а ее не бывает мало или много.

Книга II имеет на обложке библейско-философский вопрос *Quo vadis?* — Куда идешь? Этим сразу задается особый тон повествования, в котором научно-практические исследования (разд. I и II) сочетаются с дискуссией об эффективности следствия с позиций не совсем строгого научно-правового подхода: мифа и реальности, применения полиграфа, шарлатанства в следственной деятельности и практического взаимодействия с адвокатом. Это мысли о практике, которая всегда неожиданно уходит в какие-то сферы за пределы права и правопонимания, создает острые углы, о которых наука далеко не всегда имеет что сказать, и вот этот практический аспект придает книге живой пульсирующий ритм вечного сражения со все новыми обстоятельствами и вызовами, с которыми сталкивается следствие.

Эти новые вызовы напрямую обозначены в разд. VI *Следственная власть: Quo vadis?* Такой фундаментальный вопрос, поставленный новейшим вызовом, в самом обобщенном виде формулирует Ю.А. Цветков: «В цифровую эпоху российский следователь с его громоздким процессуальным и бюрократическим багажом уже не вмещается». Чем ценна постановка этой проблемы, оставленной в книге без ответа? Сразу скажем, что дать ответ на такие глобальные вопросы невозможно в книге, но хорошо поставленный вопрос означает, что ответ на него можно получить в докторских диссертациях с темами цифровизации, процессу-

альными и бюрократическими проблемами. Постановка вопроса будит научную мысль и показывает целую гамму направлений будущей исследовательской работы. И таких моментов в книге много, следовательно, она может быть полезна аспирантам и докторантам, которые еще не определились с темой исследования. Книга при внимательном прочтении дает пытливому уму россыпи тем и направлений перспективных и актуальных исследований. Наука имеет смысл и является наукой, когда в ней есть три компонента: «глобально», «актуально», «гениально». Книга дает все предпосылки новым исследователям принять этот девиз и стать первыми. В этом видится еще одна интенция книги — ищите, дерзайте, выходите за обычный круг представлений!

В итоге рассмотрения всего труда, возвращаясь к книге первой, обратим внимание на то, что в пар. 3.2 (Н.А. Колоколова, гл. 3) раскрывается содержание паспорта научной специальности 12.00.11 — *судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность*, в рамках которой в основном и написаны все три книги. Это очень важно, так как напомним читателю, что и он может приобщиться к исследованиям и оставить свой след в мире науки.

Если на столе следователя его начальник увидит три рассмотренные нами книги, то непременно спросит, что такое *Quo vadis?* И после перевода на русский следователь ответит начальнику, куда он теперь пойдет: в аспирантуру, докторантуру для получения новых знаний и передачи их вместе со своим опытом молодым служителям юстиции.

В этом видится состоявшаяся миссия книги: показать красоту и преобразующую мощь науки, представить ее следователю в качестве реально действующего социального лифта, который поможет подвигнуть его на совершение трудного, но благородного восхождения на сияющие вершины науки.

Литература

1. Следственная деятельность. В 3 книгах. Книга I. *Anchetator* : монография / коллектив авторов ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 232 с.
2. Следственная деятельность. В 3 книгах. Книга II. *Quo vadis?* : монография / коллектив авторов ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 224 с.
3. Следственная деятельность. В 3 книгах. Книга III. *Plea Bargaining* : монография / коллектив авторов ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 264 с.